

Алена Ушакова

Последние каникулы

Роман

Алена Ушакова

Последние каникулы. Роман

«Издательские решения»

Ушакова А.

Последние каникулы. Роман / А. Ушакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832016-3

Чем заполнить последние летние каникулы перед выпускным 11 классом, если море тебя не ждет и приходится торчать в скучном городе? Вот вопрос, который с грустью задает себе Евгения. Но, если совсем недавно у тебя появился новый друг, а в далеком неведомом мире трагически погибла принцесса, похожая на тебя как две капли воды, приключений и незабываемых впечатлений этим летом уже не избежать...

ISBN 978-5-44-832016-3

© Ушакова А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Город	6
Встреча на Пушкинской	6
Бой – френд	8
Городской крокодил	10
В Городском парке	13
Кирилл	17
Смысл жизни	20
На Университетской площади	23
Сон в библиотеке	26
О том, почему нельзя впускать в дом незнакомцев	28
Планы меняются	30
Часть 2. Между мирами. Полет на Луну и не только	36
Город: чужой и мертвый	47
Грезы о Городе или путь	51
Чем опасны прогулки	55
Новая встреча	60
Часть 3. Королевство Иль-де-Франс ⁴	62
Беспамятная девушка	62
На хуторе Фальков	65
Дорогу осилит идущий	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Последние каникулы

Роман

Алена Ушакова

*...Мне все кажется и мерещится,
что все это могло случиться
действительно..., – уж и не знаю,
как вам сказать, могло ли оно
случиться или нет? На то я и
романист, чтоб выдумывать.*
Ф.М.Достоевский

© Алена Ушакова, 2016

ISBN 978-5-4483-2016-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Город

Встреча на Пушкинской

Кто не знает, что в голубой бездне неба можно с легкостью утонуть? Особенно, когда наблюдаешь за полетом стаи голубей, маленьких песчинок в небесной пустыне. Птицы так легко парили вокруг золотой чаши собора, что у Жени закружилась голова. Откуда-то снизу доносились звуки музыки, то усиливаясь, то стихая. Девчонки в смешных красных и зеленых униформах на ступеньках собора, на фоне массивных колонн пели что-то классическое. Дирижер как всегда хохмил, кокетничал с молоденькими скрипачками из сборного оркестра и одновременно успевал отпускать комплименты полной даме, исполнявшей романс Чайковского. Коренастый милиционер, стоящий у кромки толпы, уныло зевал, прикрываясь заскорузлой, деревенской ладонью. Маленькая девочка лет пяти испуганно просила бабушку: «Бабуленька, вот еще минутку послушаем, и уйдем, и сразу уйдем». Лохмато-рыжий, что пришел с Женей («Как его зовут?») занудно объяснял, чем нынешний Хоровой собор отличается от прошлогоднего.

А Женя, запрокинув голову, смотрела и смотрела вверх, слушая неслышную и почти беззвучную музыку птичьих полетов в голубом море неба... Неожиданно в поле зрения попал большой рекламный щит: «Аполлон. Мы с вами уже пять лет», «Рекламное место свободно» и... Женька очнулась. Лохмато-рыжий («Ну, как же его зовут?») держал ее за плечи:

– Женя, у тебя голова закружится. Может, уже пора? Может, уйдем? Тебе не интересно?

Конечно, глупо в День Города торчать на каком-то Хоровом соборе. «Отстой!» – сказали бы девчонки. Сейчас бы в «Мандарин». Бьюсь об заклад, там сегодня половина одноклассниц со своими приятелями. Женька покосилась на спутника: высокий, немного нескладный, с лохматой шевелюрой, хотя справедливости ради надо отметить, что не рыжий, а скорее каштановый, в прикиде в стиле «мальчика из рабочего поселка». Да, подруга, в «Мандарин» с таким не светит. И угораздило же познакомиться! «Ну, ты в своем репертуаре, – сказала бы Татьяна, – где же естественный отбор?» У моря, у синего моря... сейчас Татьяна. С толком растрчивает последние летние каникулы. А Женьку море пока не ждет.

Широкой лентой перед ними растянулась Пушкинская улица. Июньское солнце безжалостно жарило. Вторую неделю Город изнемогал от необычно щедрого лета. Даже в такую погоду не изменившая любимым джинсам Женя изнывала от жары. А ее спутник, казалось, не замечал тридцатиградусного зноя.

– ...Ты знаешь, как реагировали жители на переименование этой улицы в тридцатые годы?

– Это что – тема твоего реферата? – Полупрезрительно усмехнулась девушка. – Ты, верно, преуспел в краеведении?

Язвительность – это у них с мамой семейное, и Лохматому, если захочет, конечно, придется привыкнуть. Он покраснел как первоклассник. Вспомнила, Дмитрием его кличут.

– Ну, что же, Дмитрий, вы можете мне еще авторитетно заявить?

С Лохматым, пожалуй, уже пора расстаться. Наталья права: «Парень, чтобы понравиться девушке, должен уметь развешивать лапшу на ее ушах». А если не умеет, то пусть пеняет на себя.

Их перегоняли парочки, мамы и папы с детьми, шариками, мороженым. Горожане, несмотря на раннюю жару и палящее солнце, наслаждались выходными, Днем Города, словно детсадовцы, которых на короткий срок выпустили побегать на городских тротуарах. С запада

подул влажный ветер. «Ура! Ночью, скорее всего, будет гроза», – с радостью подумала Женька. Лохматый, о котором она почти забыла, неожиданно схватил ее за руку.

– Ну, что еще?

– Смотри вперед!

В конце извивающейся ленты улицы, между сходящимися линиями домов, между ярко раскрашенных витрин дорогих бутиков и линий электропередач, тянулась, утопая в голубой бездне, другая линия – естественного происхождения – линия горизонта.

– Ты знаешь, что такое линия горизонта в Городе? Это исключение из правил, на уровне чуда, неподвластного цивилизации. Она манит как магнит, хочется бежать от этих скучных цветных коробок домов, раздвинуть их в стороны и поспешить к точке соединения неба с землей, где Город покажется нелепым и странным сном.

– И где ты это вычитал? Дашь списать. – По окончании возвышенной речи Женька насмешливо уставилась на своего спутника.

– Он это не вычитал, мадемуазель, потому что еще не написал. Ему это только предстоит. Да, и над текстом придется поработать.

Женька с Лохматым резко обернулись. На тротуаре перед ними, в стороне от праздного гуляющих горожан стоял старик лет восьмидесяти, не слишком высокий, худой, сухонький, аккуратно одетый. Морщинистое лицо расплылось в лукавой улыбке. А глаза были поразительно молоды.

– Что? Что вы сказали? – почти хором переспросили юноша с девушкой.

– Я читал вашу книгу, Дмитрий Сергеевич, в довольно нежном возрасте, очень давно, и все же, помнится, редакция этого фрагмента была несколько иной. Хотя суть, смысл был тот же самый. И неудивительно, ведь смысл любой вещи со временем не меняется.

– Вы о чем, дедушка? – Женька кипела от непонимания.

– И вот уж никогда бы не подумал, – продолжал Незнакомец, обращаясь к Лохматому, нимало не уделяя внимания его спутнице, – насколько романтическим, оказывается, был мотив рождения этой мысли.

– Мы... знакомы? – Лохматый был озадачен не меньше Жени.

– Пока нет. Наше знакомство, как и рождение вашей книги, Дмитрий, еще впереди. Но я, пожалуй, задержусь в вашем Городе на пару дней. Интересно, много ли здесь еще барышень, способных пробуждать в мужчинах подобные светлые мысли?

– Ненормальный, – выдохнула Женька, когда Незнакомец растворился в мареве летнего вечера.

– Вот и еще одна жертва жары. Его не научили, что подслушивать чужие разговоры не хорошо.

– Вы и в правду не знакомы? – не верила Женька.

– Что я в «Ягодке»¹ бесплатно тусуюсь? – ответил Дима, пытаясь скрыть смущение. – Но, знаешь, такое чувство, что где-то я его видел.

– Ну, все, мне пора домой. На сегодня достаточно.

Что-то наше свидание слишком затянулось. И все же, признайся, за несколько часов знакомства он тебя чем-то зацепил. Может, действительно, когда-нибудь книгу напишет? Она уверенно проголосовала, от этого нового знакомого такой любезности – как вызвать такси девушке – пока ожидать не приходилось.

Дверца такси с шумом хлопнулась, машина полетела куда-то в восточную от центра сторону. На Город фронтом шла гроза, накрапывали первые освежающие капли дождя, и в небе уже что-то сверкало. Он не замечал. Почти счастливый Дмитрий, действительно, Сергеевич, ощущал только прикосновение пальцев к кусочку бумаги с номером ее мобильного.

¹ «Ягодка» – так в Городе называли местную психиатрическую клинику.

Бой – френд

Гроза бушевала часа два после полуночи. Дождь лил всю ночь. Женя спала беспокойно, металась. Казалось, кто-то стучался в дверь, кто-то очень близкий, дорогой, а дверь не слушалась, не открывалась. Ветер рвал в клочья одежду, птицы кружили над куполом собора, мягкая вата облаков неслась по нежно голубому небосклону...

Звонок будильника в семь утра в маминой комнате. Как всегда резкий и неприятный. Обыденные утренние звуки и запахи. Необычная тишина за окном. Дождь кончился. Солнце сквозь листву и палевую портьеру. Усиленное мурлыканье Динки над головой. Проказница как всегда утром расположилась на ее подушке.

– Мяу!

– Евгения! Не спи дольше десяти. Покорми Динку. И постарайся, пожалуйста, дорогая, прожить этот день с пользой!

Ну, мама, в своем репертуаре! Вторую неделю твердит, что последние летние каникулы должны запомниться надолго и пройти не зря. Что тут запомнишь, когда торчишь безвылазно в скучном Городе?

Стук входной двери. Из гостиной громкие звуки телевизора. Нет сил встать и избавиться от них.

– «...И все же Луна не спешит открывать человечеству свои тайны. Многие специалисты склоняются к гипотезе искусственного происхождения спутника Земли...» – приятный женский голос вещал что-то об американцах, их полете на Луну, о снимках лунной поверхности и результатах проб лунного грунта.

Женя заснула. За линией горизонта, теряющейся в голубой дымке, поднимался лунный диск. С невероятной силой ее несло к нему навстречу, звездная пыль серебрилась. Сфера Луны, увеличивающаяся до невероятных размеров, нависала над Женькой. Мертвенно черная поверхность спутника Земли отражала солнечный свет. Но что это? Ей показалось? Неужели это действительно заклепки и выпуклые поверхности металлических люков? Один из них со скрежетом открывается, Женьку с бешеной силой затягивает в черную пасть люка. Скрежет усиливается...

Телефонный звонок прозвучал как сигнал бедствия.

– Да (сквозь сон), я слушаю.

– Привет, красавица, ты уже проснулась? Как жила без меня целый день? Было грустно? Очень?

– Фролов, ты неисправим. Наивно надеешься, что без тебя моя жизнь замирает.

Минут через сорок они сидели за своим привычным столиком в «Мандарине». Фролов милостиво кормил ее завтраком. За окном прохладное утро обещало смениться жарким полднем. Легкая музыка, полумрак и малолюдность создавали в кафе атмосферу абсолютного покоя и располагали к беседе. Олег как обычно подтянут, модно подстрижен, облачен в европейские джинсы. Светлая рубашка эффектно оттеняет загар. Супермен, да и только, как говорила Наталья.

– ...Представляешь, и я должен организовать досуг этих детей знойной Африки. Декан так и сказал: лучше, чем ты, никто им Город не покажет. Обмен студентами – этим сейчас активно занимаются все продвинутые вузы. Вчера весь день водил их по музеям.

Уплетая йогурт и грушу, Женя понимающе кивала. Фролов был старше девушки на два года. Окончил лицей год назад и теперь за его плечами первый курс технического университета. Такого «бой-френда», как у Женьки Светловой, не было ни у кого из одноклассниц. В лицее про них говорили: «не разлей вода». Здесь Фролов стал почти легендой. Один из лучших учеников, редактор Интернет-газеты, координатор ученических конференций, капитан

лицейской футбольной команды. Правда, капитан из него был не очень. Определяющей в его капитанской «карьере» была спонсорская поддержка со стороны старшего брата Кирилла Андреева. Братья носили разные фамилии, так как у них были разные отцы. Кирилл – известный в Городе бизнесмен, владелец крупной компьютерной фирмы, сети магазинов, являл собой пример состоявшегося человека, и младший брат, похоже, не хотел отставать от старшего.

– Представляешь, такого низкого уровня интеллектуального развития этих «африканских товарищей» я даже вообразить себе не мог. Они, видишь ли, устали, и экскурсию нужно сократить. Пэтэушники, не далеко ушли от своей хижины...

– Ну, ты у нас добряк, однако... – Женя жмурилась под лучами солнышка, проникающего в тихое кафе с улицы.

Капельки солнечного света растекались по ее стройной фигурке, длинные белокурые волосы золотились пшеничными колосками, голубая рваная по краям юбочка почти не закрывала колени. Ее спутник невольно подумал: «Такую нельзя не заметить. И не влюбиться почти невозможно».

– А с кем ты провела время в мое отсутствие? – по-хозяйски поинтересовался Фролов.

– Вчерашний день я провела в компании начинающего философа и пациента «Ягодки», – загадочно улыбалась Женя.

– Оригинально, – хмыкнул Фролов, впрочем, тут же забыл о своем вопросе и вновь стал делиться впечатлениями о доверительных взаимоотношениях с деканом и возможной в перспективе зарубежной стажировке.

– Олег, послушай, а что ты скажешь относительно гипотезы о том, что Луна – это потерянный инопланетный корабль, – в Женькиных глазах светилась неизвестно откуда взявшаяся грусть. Вдруг вспомнился утренний сон.

– Опять «сенсационных» статей начиталась в женских журналах или желтой прессе? Ну, что за глупости? – По-отечески, с превосходством старшего пожурил ее Фролов.

– Олег, а за линию горизонта ты никогда не заглядывал? – абсолютно серьезно спросила Женя.

– О чем ты, милая? – Фролов определенно не узнавал сегодня свою подругу.

«А Лохматый заглядывал, – неожиданно для себя подумала Женя. – Когда он позвонит?»

Городской крокодил

Вы никогда не задумывались, почему настроение человека всецело зависит от состояния окружающей природы? Дождь и ненастье наводят на печальные размышления, нагоняют тоску, а порой повергают в депрессию, а ясный солнечный день беспричинно дарит радость, внушает оптимизм и бодрость. Женя с Димой – Лохматым шли по улице имени известного советского писателя, солнце было в зените, жара на время отступила, свежий летний ветерок трепал белокурые Женькины волосы и бахрому джинсов Лохматого. Молодые люди пребывали в прекрасном настроении, что, впрочем, в силу их возраста объяснялось не только состоянием погоды. Улица тонула в шумных звуках автомобилей, говоре куда-то спешащих людей, живших будничной, деловой и как всегда суетной жизнью. Юноше и девушке до этой суеты не было абсолютно никакого дела, каникулы как главный праздник жизни продолжались.

На перекрестке Женя остановилась.

– Сейчас твоим глазам предстанет моя альма-матер.

В тени густой листвы полустолетних лип скрывалось четырехэтажное здание постройки образца тридцатых годов прошлого века.

– Ты что, учишься в знаменитой «двадцатке»? Говорят, у вас очень сильные математики? – заинтересовался Лохматый.

– Говорят. А вот и еще одна наша достопримечательность. Новомодный городской прикол.

Памятник Крокодилу появился в Городе совсем недавно. Причину появления столь непонятной скульптуры диковинного зверя горожане толковали по-разному. Кто-то вспоминал бытовавшую лет сто назад легенду о том, что в местном пруду, якобы, в незапамятные годы действительно водились похожие зверюги, что, конечно, смахивало разве что на исторический анекдот. Кто-то утверждал, что те же сто лет назад мастеровых градообразующего завода, одаренных за профессиональное искусство зелеными кафтанам, прозывали «крокодилами». А кто-то рассуждал, что в данном странном образе запечатлен современный средний житель Города. На деревянной скамье, окрашенной черной под металл краской, вольготно закинув одну долговязую ногу на другую, восседал крокодил, вернее, человекокродил – чудовище с человеческим туловищем, нахальной головой рептилии и крокодилим же хвостом. Руки-лапы широко раскинуты, словно для того, чтобы обнять кого-то. И, действительно, юморист нашелся. На необычной скамье рядом с Крокодилом сидел... Незнакомец, с которым Женька и Дима встретились на Пушкинской два дня назад.

– Смотри, это же тот ненормальный!

– Да, – узнал и Лохматый, – это он. Похоже, он на самом деле малость не в себе. Он с Крокодилом... разговаривает.

Они остановились, прячась за стволом липы.

– А тебе не кажется, что он как-то странно изменился?

Незнакомец, а это действительно был он, и в самом деле изменился – ...помолодел лет на сорок. Несмотря на это, чудесным образом, благодаря чутью и интуиции наших юных героев, надо полагать, он был ими узнан безошибочно. Незнакомец был стильно одет и, видимо, находился в неплохом расположении духа, предаваясь приятной беседе.

– ...А вы здесь, милейший, похоже, уже вполне освоились.

– Освоился. Вполне, – ответил на вопрос Незнакомец, – я с детства, как вы помните, быстро схватываю новое. Только, друг мой, вы не могли бы материализоваться, в противном случае... – он замаялся, – со стороны это странно смотрится. Кажется, что я разговариваю с этим чудовищем, – он покосился на Крокодила.

– Ну, полноте, любезный друг, когда вас это волновало? Не в вашем ли стиле шокировать своими выходками аборигенов?

– Признаюсь, в этом есть своя прелесть. Но лишние проблемы нам ни к чему.

– О чем вы? Какие проблемы? Перестаньте, милейший, какие беды или неприятности нам могут причинить обитатели этого жалкого мира, только вчера покинувшие состояние дикости?

– Не скажите, коллега, не скажите. И, допустим, это случилось не вчера. Не зря же один из них привлек наше внимание.

– Всего один из миллиардов жителей планеты!? Не слишком ли мало, вы не находите?

– Что ж поделать, гений – товар штучный, как здесь говорят, в противном случае – это уже не гений.

– Зачем этому миру гении? Здесь не та атмосфера. Здесь все не то. Вот, например, что это за монстр? – Указал собеседник Незнакомца на Крокодила. – Он как будто отличается от этих, с позволения сказать, гуманоидов, – кивнул он на прохожих.

– Это, как я понял, всего лишь шутка, в действительности в этом мире подобные существа отсутствуют. – Незнакомец улыбнулся. – Жители этого Города, похоже, не лишены чувства юмора.

Справедливости ради надо заметить, что памятником Крокодилу юмор, любовь к животным и фантазия жителей Города не ограничивались. Незнакомец еще не успел познакомиться с другими памятниками, украшавшими сей населенный пункт. Так, например, в Городе имелись памятники Козе, Лосю и, извините, Пельменю.

Но его собеседник не слушал.

– А это, простите, что? – нетерпеливо кивнул он на мчавшуюся с огромной скоростью по противоположной стороне улицы «Тойоту».

– Это не роскошь, а средство передвижения, – вновь улыбнулся Незнакомец.

– Что, простите? – не понял собеседник.

– Шучу, местный фольклор, знаете ли, на досуге изучаю. Это самодвижущееся транспортное средство с двигателем для перевозки грузов и пассажиров по безрельсовым путям. Так, во всяком случае, объясняется в одном из местных источников информации. Работает эта машина на бензине, кажется. А это...

– Боже, как они примитивны! А это зачем? – На этот раз повелительный взгляд собеседника Незнакомца устремился к витрине модного бутика, в которой демонстрировалось женское нижнее белье.

– Ах, это... – начал было объяснять Незнакомец, но был прерван.

– Не стоит, – Невидимый окончательно потерял терпение, – если вас, друг мой, это увлекает, изучайте сей мир дальше, но не забывайте, что вы здесь не за этим. Где наш субъект? Вы уже видели его?

– Да, и неоднократно, – Незнакомец стер улыбку с лица. – А кстати, вот и он, вместе со своей девушкой прячется вон за тем деревом.

Женька и Дима действительно все еще стояли за липой, решая, повернуть ли назад, чтобы избежать неприятной встречи.

– Вы уверены, что этот мальчишка с лохматой шевелюрой – ОН?

– Более чем. Он еще юн, ему сейчас семнадцать, он учится в школе, это...

– Я понял. Продолжайте.

– Он, в сущности, еще ребенок. До того момента, когда он начнет писать свою первую книгу, еще долгих двадцать лет. Но не позднее, чем два дня назад, он прилюдно, заметьте, при свидетелях, цитировал фрагмент из пятой главы.

– Фрагмент о чем? – Невидимый вдруг оживился.

– О линии горизонта. В сущности, совсем невинно. Но кто знает, может, он пишет уже сейчас, и каждый вечер ложится спать с пухлой тетрадкой под подушкой? И только боги ведают, что с ним может произойти в этом мире, пока он достигнет тридцатисемилетнего возраста.

– Что вы намерены предпринять? – Невидимый сверлил Незнакомца пристальным взглядом.

– Пока ничего, наблюдаю, – ответил Незнакомец.

– Да-да, – закивал Невидимый, – у вас, милейший, свои методы работы, не вижу смысла вмешиваться. Пожалуй, мне пора. А вам, похоже, здесь скучать некогда. Прощайте.

На этом беседа закончилась, Невидимый исчез, также незаметно для взгляда окружающих, как и появился. и методы работы. орастет до 37-летнего возраста. авы. путям. ра покинувшие сосА Незнакомец встал и направился в сторону парочки.

– Ну, что, молодые люди, гуляете? – лицо Незнакомца расплылось в обаятельной улыбке.

– Шел бы ты, мужик, отсюда куда подальше, – Дима уверенно заслонил от Незнакомца Женьку.

– Да, я пойду, конечно, но замечу, что со старшими следует вести себя более сдержанно и вежливо. А что касается вашего пожелания, мой путь свободен, я гуляю. У меня так же, как и у вас, – каникулы.

В Городском парке

С того дня Женька почти ежедневно встречалась с Димой. Фролов, несмотря на лето, был прочно завязан на своих университетских делах и звонил редко. Татьяна продолжала отдыхать на море, Наталья пропала где-то с археологами на Среднем Урале. С одноклассниками общаться не было ни малейшего желания. «От этих „одноклеточных“, – как говорила Наталья, – надо хотя бы раз в год основательно отдохнуть».

Женька забросила книги, фортепиано, свои рисунки, мамины «хозяйственные» задания исполняла из-под палки и целыми днями бродила с Дмитрием по Городу, открывая такой знакомый и незнакомый Город заново. Маршруты этих путешествий были непривычными. Ни «Мандарин», ни боулинги, ни ночные клубы в их планы не входили. Лохматый знакомил ее со *своим* Городом. Глухими дворами они пробирались к полуразрушенным старым домам, к случайным островкам природы, не ясно как сохранившимся в городском хаосе. Казалось, он знал в Городе каждый дом, каждую улицу и каждый памятник. Сыпал фактами и поражал знанием обилия сюжетов из истории Города и его обитателей. «Просто мне с ним интересно», – Женька представляла, как познакомит лучших подруг с новым приятелем, и угадывала насмешливую реакцию Натальи и Татьяны. «Ну-ну, конечно, – «просто интересно».

В то утро они решили отметить начало купального сезона в Городском парке на пляже. Трамвай, который вез их в сторону любимого места отдыха горожан жалобно дребезжал. В Городе, не знавшем чуда метро, трамваю как одному из основных средств общественного транспорта жилось также вольготно и свободно, как и троллейбусу.

Вскоре Женькино внимание привлекли девчонки одного с ней возраста, расположившиеся на задней площадке салона. Яркий макияж, аляповатые цвета одежды, традиционно голые пупки и обтянутые в джинсы толстые попы выдавали в них типичных представительниц современной молодежи.

– Прикинь, он меня вчера на дискотеку пригласил, а я номер его мобильного в памяти не сохранила, и он решил, что это я его так отфутболила. А он вообще такой классный пацан! Ну, и пришлось с Лехой на дискач переться, отстой, конечно, но зато у него моцик новый. – На весь трамвай делилась своим сокровенным ярко-синяя девчонка.

Ее ярко-оранжевая подруга с зелеными клипсами ниже подбородка сочувственно вздыхала.

– Давай выйдем на этой остановке, – предложила Женька Лохматому, – пройдемся пешком, одноклеточные сестры сугубо достали.

Дмитрий, как видно, девчонок совсем не заметил, да и кого можно было заметить рядом с Женькой, но послушно спрыгнул с подножки трамвая.

Самый большой Городской парк с незапамятных времен носил имя одного знаменитого революционера и партийного деятеля, убитого обманутым мужем своей подруги. Трагическая фигура его памятника тяжело нависала над отдыхающими, как только они вступали, минуя кружевные решетки входных ворот, на дорожку, ведущую к пруду, и непонятно каким образом должна была настраивать входящих на беззаботно веселый лад.

– Следует запретить устанавливать на улицах городов памятники некогда жившим людям, – неожиданно заявил Дима, рассматривая Революционера в упор.

– Почему? – удивилась Женька. – Ты что, приверженец правых?

– Не в этом дело. Понимаешь, Женя, это кощунство. Образ реального человека нельзя обращать в камень или металл, объектом изображения может быть только вымышленный персонаж, неконкретный, неформальный герой. Почему люди не поймут, что каждая скульптура, каждый памятник, выставленный на публичное обозрение, должен представлять собой идеал.

А в мире людей не может быть почти ничего идеального. Ну, вот, например, какие чувства может пробуждать у окружающих этот заложник собственных ошибок и грехов?

– Дим, да оставь ты его в покое, – решительно и почти бесцеремонно прервала рассуждения приятеля девушка и поспешила к пруду.

На городском пляже, который напоминал футбольное поле из песка, как всегда в будни было не слишкомлюдно. Но на Женьку, успевшую принять в кабинке на входе пляжный вид, было, кому обратить внимание. Дмитрий ежился от взглядов, которыми одаривали его спутницу. Эта прогулка по пляжу далась ему непросто. Легко, почти на одних носочках, как балерина, Женя словно плыла по песочку, впитывая кожей солнце, ветер, восхищенные взгляды мужчин и завистливые женщин. О том, что она красива и красотой необычной как тайна, Женька знала давно, лет с двенадцати. Восторженные взгляды, обожание и преувеличенное внимание представителей противоположного пола уже несколько лет были частью той атмосферы, которой она дышала ежечасно. И относилась к этому, несмотря на юный возраст, спокойно и без эмоций.

– Если закрыть глаза, то можно представить, что мы на берегу настоящего моря, – мечтательно произнесла девушка, изящно растянувшись на пляжном полотенце.

Только что вышедший из воды Дима стоял рядом.

– А ты хотела бы сейчас очутиться на море?

– Да. Я надеюсь, ты не станешь развивать теории, что море – это анахронизм?

– Конечно, нет, – ответил Дима, растираясь полотенцем, – хотя знаешь, за одну из подобных теорий в прошлом году учительница литературы выгнала меня с урока.

– Что же ты натворил?

– Он написал в сочинении, что море и человечество чужды друг другу, – рядом с ними на песок опустился молодой человек лет двадцати пяти в вельветовых брюках и красной футболке.

– Мы с вами где-то встречались? – поинтересовалась Женя, всматриваясь в смутно знакомое лицо.

– Встречались, с вами, мадмуазель, дважды, – улыбнулся Незнакомец, а это, без сомнения, был он. – Да-да, это в ответ на ошеломленный взгляд Дмитрия, я вновь помолодел. Так на меня действует благословенный воздух вашего Города.

– Кто ты, черт возьми? – Дима решительно двинулся на неожиданного гостя.

Как мог Незнакомец узнать содержание его школьного сочинения?!

– Спокойно, – отодвинулся тот, – и не надейтесь, что этот ваш черт сможет меня «взять». Я не прощаюсь.

Незнакомец встал и с высоты своего роста посмотрел на Женьку, взиравшую на него с изумлением.

– Не могу не заметить, мадмуазель, вы прекрасны, – сказал он без тени смущения. – Но все же менее открытый туалет с корсажем и кринолином вам более к лицу. И кстати, Евгения Николаевна, вам пора бы уже начать учить французский.

– О чем это он? – Дима провожал Незнакомца долгим взглядом.

– Причем здесь французский? Я учу английский и немецкий, – недоумевала и Женя.

Часа через два, когда молодые люди насладились прелестями летнего купания, история, как написали бы в газетах, приобрела криминальный оборот. На выходе из парка Дмитрия с Женей «ждали». Густая стена из низкорослых кустарников создавала идеальное место для засады. Четверо парней спортивной внешности, явно навеселе, внезапно преградили им путь, старший из них в рваных джинсах и голый до пояса начал с банального как мир вопроса:

– Прикурить найдется?

– Не курю и зажигалку не захватил, – ответил Дима, с трудом, но все же сохраняя внешнее спокойствие.

– А с подругой не познакомишь? – ухмыльнулся другой парень.

Сжав Женькину ладошку в своей руке, Дима сквозь зубы прошептал девушке:

– Женька, беги.

– Ребята, что за дела? – и не подумала о бегстве Женя.

– Отойди, подруга, – не унимался страшный из парней, которого девушка мысленно окрестила «Годым».

Драки было не избежать. Не похоже, чтобы парни просто хотели их напугать.

– Вы что, вчетвером на одного! А один на один, слабо? – кричала девушка, надеясь привлечь внимание прохожих. Но тщетно, аллея парка была пустыня.

Голый ударил первым. Дмитрий с трудом удержался на ногах. Его ответный прием был не слабее, у Голого носом пошла кровь, но это противника только раззадорило.

– Ну, парень, ты натурально попал, – смеялся он.

Его дружки кричали:

– Давай его, держись, Андрюха!

Их крики и мат оглушили Женьку. Голый ударом правой руки снизу оглушил Дмитрия, но тот, придя в себя, стремительно дал сдачи и ударил противника головой в живот. Неловко завалившись на спину, парень ударился головой о корни старого дерева. Все действующие лица замерли, дружки Голого со странным единодушием затихли. Но их главарь и не думал вырубаться.

– А ты, парень, допрыгался, – с полуосмысленной, злобной улыбкой из последних сил он двинулся на Дмитрия.

Быстрое движение одного из парней и в руках противника Димы оказался нож.

«Помогите!» – где-то в подсознании Дмитрия звучал Женькин крик. Ударом ноги он выбил нож из рук Голого. Но уже через минуту холодное оружие оказалось в руках одного из парней, казавшегося самым трезвым из четверки.

– Вперед, Серый! – кричали ему.

Он же оттолкнул Женьку, попытавшуюся ввязаться в начинавшуюся бойню. На Диму навалились втроем, заломили руки за спину, кто-то цепко схватил его ноги.

– Ребята, прекратите! Что мы вам сделали? – надрывалась в крике Женька, едва приходя в себя от удара.

– Серега, держи девку, – орал кто-то.

– А это уже слишком дурно пахнет, – спокойный негромкий голос перекрыл шум борьбы и вопли ее участников.

То, что произошло в последующие несколько секунд, Дима понял плохо, удар по голове, нанесенный одним из парней, окончательно оглушил его. Судя по всему, четверке хулиганов крепко досталось. Слышались крики боли. Когда через несколько минут Дима пришел в себя, первое что он увидел, была заплаканная Женька, которая пыталась приподнять его с земли.

– Здорово вы их, – всхлипывая, обратилась она к Незнакомцу, а в роли их спасителя оказался именно он.

– Твой приятель тоже не подкачал, – ответил Незнамец отстраненно.

Он стоял на корточках перед двумя распростертыми на земле телами – Голого и Серого. Двум другим хулиганам удалось сбежать.

– Ну, да уж не подкачал, – с трудом при поддержке Женьки Дима поднимался с земли. – Еще бы минутка и все, – морщился он, тупая боль гнездилась в затылке, подбитый глаз начал заплывать, порез на шее кровоточил.

– Да, я в порядке, – успокаивал он все еще плачущую девушку, – а с этими что?

Голый и Серый находились, видимо, в полной отключке. Женьку поразил их абсолютно безжизненный вид. Незнамец, непривычно серьезный и сосредоточенный, совершал с ними,

казалось, какие-то медицинские действия. Поочередно прослушивал пульс, ощупывал грудь, голову, как-то странно накладывая ладони на лица парней.

– Вы врач, да? – спросила Женька, доверчиво глядя на него, – они, ведь... не умерли? – запнулась она.

– Успокойся, они живы. Через полчаса придут в себя, – Незнамец по-прежнему был очень озабочен и чем-то удручен. – Какое-то время будет напоминать о себе головная боль. Но завтра они уже ничего не вспомнят о сегодняшнем инциденте. Вы, ведь, с этими молодыми людьми не знакомы?

Женька с Димой кивнули.

– Не удивляйтесь, если при следующей встрече они вас не узнают, и покажутся вам вполне благопорядочными молодыми людьми. Это футболисты из вашего местного спортивного клуба «Динамо». Распивать спиртные напитки и тем более колоться наркотиками им не полагается, и не приходилось никогда. А вот этот нож, – он пнул ногой валявшееся на траве оружие недавней драки, – двадцать минут назад им резали помидоры.

Теперь и Дмитрий разглядел, что нож был обыкновенным, кухонным. Странно, на разборки с таким не ходят.

– Да, и ребята, которых мы с вами не далее как несколько минут назад, можно сказать, победили, на бандитов совсем не похожи. Я думаю, стражей порядка призывать не стоит. А что касается этих героев – оставим их здесь, при их пробуждении нам присутствовать не следует.

Женя торопливо собирала содержимое пляжной сумки, рассыпанное в пылу драки. Ее приятель постепенно приходил в себя.

– А вы что, за нами следили? – вдруг сообразил Дмитрий, – вы что, за нами по пятам ходите? – уставился он на Незнакомца, – зачем?

– По пятам. И как показывают последние события, мои хождения не лишены смысла, – Незнамец провожал парочку на трамвайную остановку.

– Может нам уже стоит познакомиться, хотя бы для того, чтобы поблагодарить вас за помощь, – вспомнила об элементарной вежливости Женя.

– И правда. Вы кто? Мы... я – Дмитрий...

– Не стоит, я знаю, кто вы. О благодарности забудьте. С кем не бывает? А познакомимся ближе мы при следующей встрече. А вот и ваш трамвай.

Женька удивилась своей абсолютной уверенности, что их новая встреча состоится очень скоро. С подножки трамвая, придерживая девушку, Дмитрий пристальным взглядом провожал фигуру своего спасителя. «А этот парень мне определенно нравится», – подумал он.

Когда вагон трамвая ускорил ход, Незнамец, оставшийся на остановке в полном одиночестве, тихо, для самого себя произнес: «Да, молодые люди, вами, как видно, интересуюсь не только я. И мне это ...очень не нравится». Лицо Незнакомца приняло жесткое и непримиримое выражение: «Игра началась!»

Кирилл

За тонированным стеклом автомобиля Город казался уставшим и уснувшим. Мягкие лучи закатного солнца, лаская, убаюкивали городские улицы и переулки, напоминая горожанам на исходе одного из длинных летних дней о наступлении времени покоя и отдыха. Кирилл откинулся на мягкую спинку сидения, снял темные очки, закрыл глаза. Иномарка летела по направлению от аэропорта в центр Города. Все. Теперь можно успокоиться. Программа min, нет даже тах выполнена.

Переговоры закончены. Контракт, такой долгожданный и недостижимый, месяц назад казавшийся безумной мечтой, подписан. Питерские товарищи остались довольны. Приемом, организацией работы и сетью магазинов. Молодцы ребята, хорошо поработали. Приятно было в компании компьютерщиков из северной столицы как будто гостю посещать магазины с лейблом «WELMI». Все четко, красиво и упорядоченно. Везде евроремонт, лоск в каждой мелочи, мальчики и девочки не старше двадцати пяти лет в стильных униформах, это его, Кирилла идея, компьютеры и комплектующие, ксероксы, принтеры, факсы, модемы и все остальное, что душа пожелает, на уровне действующих стандартов, во всяком случае, для провинции вполне на уровне. Цены не так чтобы очень, для Города – не самые высокие, гибкие системы скидок и рассрочек платежей, рекламные прорывы, кампании привлечения потенциальных покупателей, просчитанные профессиональными психологами с учетом менталитета этих самых потенциальных покупателей. Реклама вездесущая. Тотальная. Преследующая клиентов на каждом шагу, практически целый день. С пиар-менеджерами тоже все капитально проработано. Реклама в печатных СМИ, на ТВ, на каждом перекрестке. А вот, кстати, мимо пролетел гигантский шестизэтажный щит «WELMI» на девятиэтажном доме.

Кирилл вновь всмотрелся в окно салона. Сеть магазинов по всему Городу, филиалы в соседних. Везде все схвачено. Небольшая компьютерная фирма, которую они с Серегой, вчерашние студенты – инженеры-системотехники, начинали создавать с «нуля» в середине 90-х, превратилась в огромный концерн, которым гордился бы любой мегаполис страны, не то, что их провинциальный Город.

Теперь на повестке дня – новый этап, новый Эверест, который он, Кирилл Андреев, должен взять. И возьмет, может не сразу, не в эту предвыборную кампанию, так в следующую, он прорвется во «власть» и станет частью так называемого депутатского корпуса. А сейчас, как говорится, главное не победа, а участие. Участие, приобретение опыта предвыборной борьбы, разработка и отработка пиар-технологий. Впереди – работа со специалистами пера, заказ предвыборных плакатов и буклетов, создание – такая лепка имиджа, образа идеального кандидата в депутаты Кирилла Александровича Андреева...

Но все это ожидает его через месяц. А сию минуту... А в данный момент он абсолютно свободен месяц, т.е. почти две недели или нет скорее неделю..., но абсолютно свободен. Верника с детьми этим летом отдыхают во Франции, на Ривьере. Можно развлечься, выбиться из ритма будней, заполненных под завязку работой, – полюбоваться видами любимого, это без пафоса, действительно родного, Города. Нажав на кнопку в панели стенки салона, он опустил перегородку, отделявшую пассажирский отсек, и обратился к водителю:

– Олег!

– Да, Кирилл Александрович?

– Не стоит к «Медведю». Поужинаем позже. Покатай меня, братец, по Городу.

– Хорошо, Кирилл Александрович, это можно. Я включу что-нибудь легкое.

Салон заполнила ритмичная музыка. Кирилл развязал надоевший как удавка галстук, расстегнул ворот рубашки. Да, вот так. Давно пора расслабиться и призадуматься, просто так, обо всем. Никуда в этот момент почему-то не хотелось – ни в ресторан ужинать, ни домой,

ни еще куда-нибудь. Он всматривался в знакомые дома, улицы Города, в котором прошло его детство, юность, где он так победоносно вступает в пору зрелости. Кстати, многократно ему советовали уехать, дескать, деньги вкладывать выгоднее в компании, работающие в крупных городах. Серега так и сделал, сейчас далеко не бедствует. Два года назад он продал, совсем недешево, свою долю Кириллу. Что бы не говорили о масштабах бизнеса, ограниченного возможностями провинциального Города, дело было, конечно, не в этом: просто двум медведям стало тесно в одной берлоге.

А тогда в студенчестве они были, пожалуй, настоящими друзьями, если такое вообще возможно. Действовали лихо, на свой страх и риск. Сейчас мороз по коже берет, когда вспоминаешь, как все начиналось.

Красный диплом в кармане и предложения, даже нет настоятельные требования декана поступать в аспирантуру, остаться в институте... Отказался, после долгих уговоров, предложений зарубежной стажировки и описания радужных перспектив в ближайшие два года защитить кандидатскую. Жену и маленького сына надо было кормить. Нужна была своя квартира, косые взгляды отчима червоточили душу.

С Вероникой они вместе со школы. Идеальная семейная история. Симпатичный, обаятельный отличник Кирилл нравился многим девочкам – и одноклассницам, и однокурсницам. Но с девятого класса верность хранил только одной девушке. И, можно сказать, хранит, ну, или почти хранит (надо же когда-то расслабляться!) и по сей день. Он все так же симпатичен, разве что несколько прибавил в весе, его, как говорили, фирменная обаятельная и слегка насмешливая улыбка все также безотказно действует на представительниц противоположного пола. Хотя, да стоит признаться, самому себе во всяком случае, дам обольщает уже не столько его улыбка, сколько его положение, его возможности.

Да, возможности... А может он в этом Городе многое. Держит руку на пульсе. Вот, например, мимо проплывает знаменитый городской магазин «Школьный базар». Кто из горожан, все те, кому слегка за 30, не ассоциирует его со своими отроческими годами, кто не помнит походы за ручку с мамой и папой в этот магазин в последние августовские дни накануне нового учебного года? Теперь он принадлежит Кириллу, точнее его концерну. В его власти было превратить детский магазин в очередной крутой компьютерный салон, и городская достопримечательность канула бы в лету. Но Кирилл сказал тогда Сереге свое твердое «нет», они крупно поспорили. А «Школьный базар» остался для Города тем же, чем был всегда. Да, стоит признать, сейчас ему принадлежит процентов пять от этого Города, и процентная ставка будет расти.

Но счастлив ли он от этого? Все ли у него хорошо? Кирилл вдруг понял, что не может дать ответа на этот абсолютно ненужный, лишний, глупый, сентиментальный вопрос. Вероника любит говорить: «В бизнесе все должно быть предельно прозрачно». У нее, кстати, тоже имеется собственная небольшая, но весьма успешная туристическая фирма. Это модно сейчас: жена бизнесмена днюет не в косметических салонах и бутиках, а в собственном офисе. Да, в бизнесе у него все прозрачно или почти все. А в жизни, в частной жизни К.А.Андреева все прозрачно? Тридцать семь лет – это уже тот возраст, когда стоит подвести черту, хотя бы пунктирную. Он вдруг остро ощутил, что в его жизни явно чего-то не хватает. Не в семейной, здесь почти все прекрасно. В самом себе. «Ты от сытости своей устал», – как-то сказала Вероника. Чего же ему не достает – свежего ветра, голода, здорового голода к жизни? Наверное... Сердце вдруг сжалось, тоска, этакое почти неведомое чувство, охватила душу. Надо, пожалуй, выбраться во Францию, к детям, может, отпустит...

– Притормози!

Резко завизжали шины. У трамвайной остановки Кирилл заметил Женю, подружку младшего брата. Ну, и спутник же у нее, явно недавно побит. Девушка, поддерживая «раненого»,

направлялась домой. «И куда Олежка смотрит, уведут девчонку! Или она в тимуровцы записалась, помогает сирым и убогим?»

Неизвестно почему, благодаря невольной встрече с этой милой девочкой, которую он почти не знал, к Кириллу неожиданно вернулось бодрое настроение, захотелось дышать полной грудью. Опустив стекло окна до предела, он приказал водителю: «Сергея, страшно есть хочется, гони к „Медведю“, а потом закатимся в „Пламя“ шары катать!» Иномарка круто развернулась в обратном направлении и полетела по улицам Города навстречу наступающему вечеру.

Смысл жизни

- Ай, больно!
- Терпи, не маленький!
- Ну, хватит, Женя, довольно.
- Вот тут держи. Прижми к веку!
- Где?
- Здесь. Вот так.
- Сколько держать?

– Сколько надо, а то своим фингалом свет белый затмишь. Или завтра глаз вообще не откроется. Поищу, пожалуй, тебе темные очки. А, может, тебе джинсы заштопать? Смотри, как зацепило. Снимай!

– Нет!!! Так дойду. Вот булавкой здесь зацепить и все. А у тебя ссадина на руке. И здесь, – Димины пальцы нежно коснулись Женкиной шеи.

– Пустяки, – девушка вдруг покраснела. И «раненый» тоже смутился.

– А твоя мама... – После некоторой паузы вспомнил Дима.

– Она сегодня придет поздно. Что, испугался? – К Жене, похоже, возвращалось хорошее настроение и неизменная насмешливость. – Встреча с моей мамой тебя больше тревожит, чем с собственной?

– Да нет. Но впервые в твоём доме и в таком виде...

– Я бы сказала, что мама видела и не такое. Я тоже битая домой приходила и не раз.

– ?!

– Ну, падала, прыгала через заборы. Меня мама мальчишкой с детства называет, – смеялась Женя.

Потом они долго сидели за столом на кухне, пили чай с прошлогодним малиновым вареньем и домашним печеньем. За окном необычно быстро вечерело. Свежий напоенный влажной воздух проникал в форточку, тени деревьев, блуждающие с высоты пятого этажа, ночные городские звуки и тишина в квартире создавали атмосферу покоя и предельной искренности. Они говорили обо всем. О диком происшествии в парке. Откуда взялись эти парни? На пляже их не было. Зачем они ждали их? Кто этот таинственный Незнакомец? Потом все сегодняшнее, сиюминутное ушло в сторону, отступило. Женя рассказывала о своей маме, музыкальной школе, Наталье и Татьяне, увлечении готикой, последней лицейской научно-практической конференции, театральном кружке, который она придумала и которому в прошлом учебном году досталась премия директора лицея, и о Динке, развалившейся на полу у батареи.

Дима говорил о младшем брате Андрее, о непростых взаимоотношениях с родителями, воспринимавшими семнадцатилетнего парня по-прежнему десятилетним ребенком, о школе и срывах круглого отличника с «выдающимися математическими способностями» на «двойки».

– Ты через год на исторический будешь поступать?

– С чего ты взяла? История – это так, между делом. В будущем я программист. Наверное. И поступать буду в Механ. Ну, пока это ближе всего. Хочется заниматься каким-то настоящим делом.

Он рассказывал о своем многолетнем увлечении компьютерами, о том, как собрал свой первый комп, как разрабатывал и редактировал Интернет-сайт своей школы, как был представителем учащихся в Совете школы и почему его оттуда выгнали.

Они говорили и говорили... Так, как, наверное, ни с кем и никогда. Было легко, просто и совершенно естественно рассуждать о содержании и смысле жизни в семнадцать лет.

– Значит, в школе не все отлично? – спрашивала Женя.

«Совсем как мама», – подумал Дима, а вслух ответил:

– Кого это волнует? Только родителей. Меня нисколько, – и неожиданно вспыхнул.

– Но ведь через год сдавать ЕГЭ, получать аттестат. А от учителей так много зависит.

– Да все это мелочи. Даже ЕГЭ, и то, адекватно или нет, меня воспринимает директор.

И поступление в университет – это тоже мелочи, мелочи жизни.

– Но как же?!

– Понимаешь, Женя... Родителям я тоже пытался объяснить. Но они меня не слушают. Понимаешь, – Дима встал у окна, – не стоит ломать голову и копать из-за ерунды.

– Ну, если высшее образование для тебя ерунда! Что же тогда по-твоему имеет смысл? – Женя смотрела на собеседника снизу вверх и грызла печенку.

– Смысл имеет только то, что не проходит. Остальное – суета, не стоящая усилий и самой жизни. Авторитет среди законченных карьеристов, умение льстить учителям, ограниченным в своих знаниях и душевных способностях, не умеющим уважать человека, не достигшего совершеннолетия, – мне это все не нужно. Нельзя свою жизнь посвящать суете. Стоит только задуматься об этом, как все присущие окружающим жизненные ценности подвергаются переоценке.

– И что же ты переоценил, что по-твоему действительно важно? – спросила Женя почти без насмешки. Дима сидел на подоконнике и чем-то напоминал ей роденовского мыслителя.

– Важно и драгоценно только солнце, ветер, общение с природой, творчество, в любой области, но только творчество, лишенное конъюнктуры, снобизма, авторского тщеславия, творчество, направленное в вечность.

Женя смотрела на своего собеседника широко открытыми глазами, парни в ее окружении так не рассуждали.

– И любовь, конечно, любовь, – продолжал Дима, – материнская, любовь полов – мужчины и женщины (при этих словах, как заметила Женька, он слегка покраснел), к себе, да любовь к самому себе, к людям, близким и далеким, тебя окружающим, ко всему миру, тебя окружающему. Любовь всепоглощающая... Это почти все, что имеет смысл. Все остальное – мишура, даже просто мусор, суетно и грязно... местами. И если, как говорил классик, «посмотришь с холодным вниманием вокруг», вдруг оказывается, что все окружающие, даже самые близкие, тратят силы в основном как раз на последнее. А надо искать и переживать в повседневной жизни только то, что будет принадлежать вечности.

– Ты как-то слишком... правильно, по-книжному говоришь. Но люди живут днем сегодняшним, условности дороже этой неизвестной вечности, – ты это хочешь сказать? – вмешалась в его рассуждения Женька.

– Да, кто же думает о вечности в стараниях устроить свой сиюминутный быт, строя головкружительную карьеру или банально зарабатывая деньги, пожизненно находясь в затылочном прыжке, в вечной погоне за материальными ценностями?

– Дима, но ведь так устроен мир. А жизнь человеческая так коротка.

– И не так-то легко в течение этой короткой жизни пробить головой монолитную стену бытия, отделяющую нас от вечности, а главное почти невозможно увидеть результаты своего приобщения к последней. Даже умирая, человек, как правило, не успевает осознать значимость и итоги своей жизни. А может и успевает, но уже в ином мире. Жаль, впрочем, что это нам неведомо. А ежедневные плотские мелкие радости – они ближе, естественнее для человека. Все же мне кажется, что Бог или природа, наделив человека земным или физическим телом, отдалили его от вечности. Зачем – не знаю. Ты еще не устала меня слушать? – Дима неожиданно очнулся от своих размышлений вслух.

– Нет, не устала, – задумчиво ответила Женька.

Он сел рядом за кухонный стол и накрыл ее ладонь своей:

– Знаешь, мне почти не с кем обо всем этом говорить.

Женька первая улыбнулась, покинув состояние глубокой задумчивости и нарушив серьезность момента. И они еще говорили, но уже о чем-то легком и веселом, подтверждая известную истину о том, что счастье – это когда тебя понимают.

На Университетской площади

Картинно сложив руки на груди, мечтательно и немного рассеянно вглядываясь куда-то вдаль, Поэт уверенно стоял на своем постаменте. Скульптор изобразил его студентом, переживающим славную пору юности, не лишенную мирских наслаждений и уже гениальных раздумий. Незнакомец минут десять сосредоточенно и недоуменно рассматривал памятник, ожидая условленной встречи. Компактная и уютная Университетская площадь представляла собой образец аккуратности и ухоженности. Треугольные елочки, стриженные газоны, дорожки из цементных плиток, скамьи, фонари и колоннада, окружающая памятник, должны были погружать современных студизусов в далекую эпоху Поэта. Центральный вход во второй корпус университета, располагавшийся в непосредственной близости от памятника, в этот час почти пустовал. Сессия недавно закончилась, а ужасы вступительных экзаменов и терзания абитуриентов были еще впереди. И Незнакомец скучал в обществе бронзового Поэта.

– Никогда бы не подумал, и он бы, пожалуй, удивился... При случае надо бы рассказать ему, – бормотал себе под нос Незнакомец, когда его взору внезапно предстал сокрытый от взоров окружающих знакомый уже читателям Невидимый.

– Что? Что вы сказали, милейший? – Невидимый менторским взглядом осматривал площадь.

– Ах, это вы, мой друг? – притворно удивился Незнакомец, обернувшись к собеседнику. – Заставляете себя ждать, а это знаете ли, невежливо.

– Помехи на протяжении всего пути. Ничего не поделаешь, маршрут не слишком хорошо освоен. Так что же привлекло ваше драгоценное внимание? – Невидимый продолжал оглядываться, как только что прибывший дальним рейсом пассажир в поисках своего багажа.

– Вот этот памятник. Скажите на милость, какое отношение Поэт имел к этому Городу? Ровно никакого. Он здесь и не был никогда. В его времена сей населенный пункт и Городом не являлся. Но нет же, обитатели сего местечка с упрямством и упорством одержимых ставят ему памятники, называют его именем улицы, тиражируют его имя всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Даже Он, уверенный при жизни, что «памятник себе воздвиг нерукотворный», сказал бы, что это уже слишком, – продолжал рассуждать Незнакомец.

– Ах, вы опять за свое, изучаете нравы и культуру аборигенов. Меня же волнует состояние наших с вами дел. Что случилось?

– Ситуация серьезно осложнилось, – Незнакомец присел на скамью и тяжело вздохнул. – Я бы настоятельно рекомендовал вам испросить разрешения Совета принять срочные и экстраординарные меры.

– Как? Не вы ли во время прошлой нашей встрече ратовали за наблюдение, а не действие? – насторожился Невидимый.

– В нынешней ситуации промедление смерти подобно, – Незнакомец был настроен решительно. – Не далее чем час назад я стал свидетелем нападения на нашего героя.

На соседней скамье сидела маленькая девочка лет пяти. Синенькое платьишко и такого же цвета сандалики, две смешные косички, маленький носик в веснушках, – словом, девочка была премилым созданием. Ее мама покупала мороженое в киоске напротив, и ребенок изнывал от одиночества.

– Дядя, а что вы сказали? – тоненьким голоском спросила девочка Незнакомца.

Небольшая собачка – болонка пепельного цвета, повязанная ленточкой и сидевшая рядом с девочкой на скамье, весело тявкнула, тоже заинтересовавшись странным соседом.

– Ничего, это я так, милая, рассуждаю вслух сам с собой. – Незнакомец смутился и более всего потому, что с такими маленькими детьми разговаривать не умел.

– Нам следует покинуть место, осененное этим Лжепоэтом, – сказал он, обращаясь уже к Невидимому.

Дальнейшая беседа продолжалась во время их неторопливой прогулки от университета по улице Национальной.

– Кто нападал и с какой целью? – деловито осведомился Невидимый.

В этот момент выяснилось, что маленькая болонка сочла своим долгом устроить за ними погоню. Быстро семеня короткими лохматыми лапками, она истошно лаяла, а минуту спустя вцепилась... в ногу Невидимого.

– Что это такое? Что за дикость и стыд? – громовым голосом вскричал последний, чем напугал даже Незнакомца.

Проходим это сцена виделась следующим образом. Лохматая собачка, истерично тяфкая, сначала зачем-то грызла воздух, затем... взлетела вверх, поболталась из стороны в сторону, грозно скаля зубы и злобно рыча, прежде чем Незнакомец почти нежно взял ее на руки, укоризненно глядя в пустоту. С секунду он, широко открыв глаза, пристально смотрел на неизвестно почему взбесившееся животное, после чего болонка вдруг уснула и продолжала мирно покусывать во сне. Осторожно, словно боясь уронить, Незнакомец донес собачку до скамьи, где ее маленькая хозяйка, надув губки и изобразив на лице обиженную гримасу, уже готова была громко заплакать и звать на помощь задержавшуюся маму.

– Вот так, – Незнакомец осторожно положил собачку рядом с девочкой, – не беспокойся, Светочка, Марта просто перегрелась на солнышке, она полчаса спит и снова будет бегать.

Глядя в обиженные глаза ребенка, он виновато улыбнулся.

– Светочка, вот тебе шоколадка, – вручил он девочке плитку в блестящей обертке, неизвестно как оказавшуюся в его руке, и поспешил за своим покинутым спутником.

– Ты хороший, – услышав голосок Светочки, Незнакомец обернулся, – а он плохой, – завершила свое умозаключение девочка.

Глаза Незнакомца расширились от удивления. Как девочка могла видеть его собеседника?!

– Что это еще значит? – Невидимый, между тем, продолжал кипеть праведным гневом.

– Это значит, – не смог скрыть улыбку Незнакомец, – что на вас, любезнейший, совершило нападение маленькое смелое животное. Смею вас уверить, что оно не самое крупное и страшное в этом мире. Так что вам, можно сказать, повезло. Я ведь вас предупреждал в прошлый раз, что в материальной оболочке вы будете более естественным для этого мира.

Смех душил Незнакомца, ему представилось, как Невидимый будет рассказывать членам Совета о страшном испытании, которому ему пришлось подвергнуться в этом диком, неведомом мире.

И Невидимый материализовался, рядом с Незнакомцем появился мужчина средних лет, в деловом костюме, при галстуке, изрядно ухоженный и более всего напоминающий преуспевающего чиновника солидного ведомства, разве что без портфеля.

– Так я адекватен этому миру? – вздохнул бывший Невидимый.

– Вполне, – Незнакомец улыбнулся. Напомним, улыбка его отличалась неизменным обаянием.

– Продолжим, – Незнакомец резко изменил тон и выражение своего лица, – нападение на нашего героя и его девушку среди бела дня совершили местные жители, зомбированные по системе «Кванг – А».

– Что-о-о? – Невидимый от неожиданности остановился.

– Да, да, по системе «Кванг – А», я не оговорился. Эта система, как вы знаете, позволяет сохранить мозг исполнителя без полной потери памяти. И знаете, что самое интересное?

– Что? – повторил Невидимый.

– Я расшифровал код зомбирования и установил, что целью «заказчика» в данном случае был не только наш герой, судьба которого для них предreshена – они решили устранить его однозначно. Одним гением меньше, и этот мир будет более управляем. Это ясно как день. Удивительно другое – целью нападения, прежде всего, была девушка, причем в отличие от юноши, она нужна была им живой.

– Зачем?

– Вот и я тоже задался этим вопросом. И это самое интересное. Это был явно двойной «заказ» дельцов с Всемирного рынка астральных двойников.

– Вы уверены?

– Более чем. Образ этой земной девочки не единичен во Вселенной.

– И вы, конечно, уже знаете, чей образ заключен в этом милом создании? – Невидимый мысленно представил Женькину физиономию.

– Ну, разумеется. Это необыкновенно романтическая история.

– Вот только не надо мне романтических историй. Не стоит, не продолжайте. Меня это не интересует, – бесцеремонно прервал собеседника Невидимый, явно не относящийся к категории романтиков. – Нас может волновать только безопасность нашего субъекта.

– Ну, конечно! – вдруг взорвался Незнакомец. – И я должен спокойно наблюдать за совершающимися на моих глазах преступлениями. Может быть, вы мне еще предложите вступить с ними в контакт, оказать им содействие? А потом поучаствовать в разделе добычи? А как же Кодекс «KS»?

– Да, – отступил Невидимый, – Кодекс «KS» часто идет в разрез с элементарной осторожностью и отвергает теорию невмешательства.

– День «X» приближается, – Незнакомец был настроен решительно, – вы это прекрасно знаете, и члены Совета тоже. С вашей теорией невмешательства мы парня потеряем. Я предлагаю, вернее, я настаиваю, – почти кричал Незнакомец, – следует *изъять* этих молодых людей.

– Изъять?! Что?! Изъятие субъекта из родственной среды против его воли – такое же преступление, противоречащее Кодексу «KS». Может быть, милейший, вы еще предложите, этим мальчишке и девчонке все рассказать? Открыть и опубликовать наши намерения. А может оповестить местных служителей порядка – местную милицию?

– Полицию, любезнейший. Я знаю, что это не лучший вариант, но, боюсь, единственный. Во всяком случае, другого я не вижу, – кричал Незнакомец.

– Изъятие гения из родственной ему среды чревато его гибелью – это – то вы хотя бы понимаете?! – вышел из себя и Невидимый.

Стоя посреди тротуара и мешая движению других прохожих, они яростно кричали друг на друга, странно жестикулируя и размахивая руками.

– Эй, поосторожнее, мужчины! – воскликнула проходящая мимо дама преклонных лет.

– А, впрочем, наверное, вы правы, – вдруг успокоился Невидимый, – что это на нас нашло?

– Излишняя эмоциональность – отличительная черта обитателей этого мира, – заметил Незнакомец, – она витает в воздухе и передается воздушно-капельным путем. Шучу, – он уже дружелюбно улыбался.

– Все равно последнее слово за членами Совета, – закончил Невидимый.

– Разумеется, разумеется.

Но им обоим было совершенно ясно, что участь Дмитрия и Евгении решена окончательно и бесповоротно.

Сон в библиотеке

В тот вечер или, вернее, уже ночь Дима вернулся домой много позже обычного. Разговор за чашкой чая с Женей затянулся. Никогда прежде он не был столь откровенен с девушкой. И еще он подумал, что никакая девушка не нравилась ему так, как Женя. Да что там «нравилась», признайся, старик, хотя бы самому себе, что ты «врезался по уши», влюбился по самое никуда, и бедная головушка кружится без остановки. «Она вскружила ему голову», – никогда бы не подумал раньше, что это обо мне...

На этом фоне разговор с отцом о том, что «на дворе ночь, и почему он заставляет их с матерью волноваться», и что «летние каникулы надо проводить с большей пользой для дела», был совершенно безобиден. Родителей удивил безоблачный, счастливо отрешенный вид сына и несерьезные отговорки относительно физических повреждений. Лишь младший братишка все понял верно: «Ты дрался из-за девчонки, да?» Он прибежал в его комнату тайком, сразу после окончания нравоучительной беседы со старшей половиной семейства. Перед Димой стоял мальчик лет шести в смешных трусиках и маечке – маленький, худенький, нос в веснушках, он смотрел на него почти как на божество. Глазенки сияли щенячьим восторгом. Старший брат, вдруг проникшись к младшему необыкновенной теплотой и нежностью, легонько потрепал его по льняной головке.

– Проснулся ведь, когда надо, тебя не добудись. Иди спать, Андрюшка, а то завтра в сад опоздаешь.

– Их было много, а ты один всех победил, да?

– Угу. Ну, и богатое же у тебя воображение.

– А ты меня драться научишь?

– Обязательно, – Дима обнял братишку и погладил по спинке, – только иди спать.

– Я всем про тебя расскажу – и Сережке, и Петьке из нашей группы, всем скажу, что мой брат сильнее всех, – скороговоркой полусшепотом тараторил мальчик, обвив ручонками шею брата.

– Ну, все, брысь, со своими телячьими нежностями, как девчонка. Марш, говорю, а то все маме расскажу.

Они еще поборолись немного для смеха, и босые ножки Андрюшки зашлепали в направлении детской. Дима открыл окно и в комнату сразу ворвался ночной ветер, напоенный темнотой и шепотами деревьев. Юноша дышал полной грудью. Он думал о том, какой счастливый сегодня был день, совсем вычеркнув из памяти, что не далее как шесть часов назад его чуть не убили. Впервые за последние годы вечер завершался не компьютерными бдениями и путешествиями по «Всемирной паутине». Дима даже не подошел к письменному столу и не притронулся к своему компу. И зря, иначе он обнаружил бы сбой Windows и утрату всех своих файлов. Здесь были рефераты и другие школьные работы, несколько сочинений, варианты решений олимпиадных задач по высшей математике, уже несколько месяцев он готовился представлять Город на межрегиональной олимпиаде, заметки, картинки, переписка и многое другое.

В ту ночь ему приснился странный сон. Во сне он посещал какую-то необыкновенную библиотеку. Догадаться, что это была именно библиотека, оказалось непросто. Он находился в огромном зале, более всего похожем на гигантский аквариум с колоссальными выпуклыми стенами и куполообразным потолком. Дно «аквариума» было выложено стилизованными камешками ярко – красного цвета. Переминаясь во сне с ноги на ногу, Дима думал, что подобными камнями только черного цвета усеяно побережье Черного моря. Присмотревшись, он обнаружил, что стены необычного зала представляют многоярусные вереницы книжных полок. Столы и стулья в библиотеке отсутствовали. Но странное дело, их заменяли лестницы, которые каким-то образом самостоятельно двигались вверх и вниз по стенам. Почти на каждой лест-

нице находился «читатель». Причем некоторые поднимались ввысь почти под самый купол, и Дмитрию, запрокинувшему голову, казались на таком расстоянии крошечными.

«Читатели» были в большинстве своем юношами и девушками, одетыми в черные костюмы, украшенные серебристыми блестками. Диму поразило и другое, добравшись на своей лестнице до нужной полки, читатель и не думал спускаться вниз. Тут же из стены выпрыгивала новая конструкция такого же, как и лестница, палевого цвета, представлявшая собой нечто среднее между кафедрой и невысокой стойкой. За подобными импровизированными кафедрами и располагались читатели необыкновенной библиотеки.

Дима шагнул к стене, и немедленно в его сторону выпрыгнула лестница. Он вступил на нижнюю ступеньку и моментально со стремительностью скоростного лифта, так что дух захватило, вознесясь вверх, на высоту примерно 8-этажного дома. В полете по библиотечной стене, вцепившись в перекладину лестницы, Дима не смел смотреть вниз. Также неожиданно движение прекратилось, ближайшая к нему книжная полка слегка развернулась, на появившейся кафедре перед юношей оказалась книга – объемистый фолиант в шоколадно-коричневой глянцевой обложке. Дима уже давно обратил внимание на то, что книги на всем протяжении гигантских полок, разные по формату, были в одинаковых обложках. Внимание юноши привлекла эмблема, располагавшаяся в правом верхнем углу каждой книги. Эмблема представляла собой овал красного цвета, в центре которого золотилась аббревиатура из трех букв «AKS». «Любопытный библиотечный штамп», – заметил Дима.

С нетерпением он открыл свой фолиант, за суперобложкой, как он и предполагал, оказалась другая обложка голубого цвета, на ней темными буквами выделялся заголовок «Избранное» и имя автора – «Дмитрий Сергеевич Николаев». «Тезка», – подумал Дима перед тем, как его внимание привлек другой читатель, быстро спускавшийся вниз на своей лестнице как на эскалаторе.

– Ах, это вы, Дмитрий Сергеевич! – его приветствовал... Незнакомец, он, как и все остальные, был одет в черный костюм, но в его случае пиджак и брюки были украшены вышивками золотистого цвета. – Похвально, похвально, в первый день и уже посещаете наше хранилище мудрости. А вот эту книгу... – лестница Незнакомца остановилась, и тот взял Димин фолиант и незаметно поместил его в свободную ячейку ближайшей книжной полки. – Эту книгу вам еще рано читать.

Незнакомец улыбался Дмитрию с неизменным обаянием.

– Да, как можете видеть, любезнейший Дмитрий Сергеевич, и наш мир полон чудес. Помнится один из ваших классиков говорил что – то вроде... а – «рукописи не горят», так вот и файлы...

«При чем здесь файлы?» – хотел было спросить его Дима и... проснулся. Он сел на кровати, потер пальцами виски, зевнул и обнаружил за окном солнечный летний день в самом разгаре. Наваждение сна растворилось в воздухе. В квартире никого не было, старшее поколение семейства благополучно отправилось трудиться в серьезные учреждения, а младшее – воспитываться в сад. День явно близился к полудню. И давно было пора звонить Женьке.

О том, почему нельзя впускать в дом незнакомцев

Уютно расположившись в кресле и вытянув ноги в домашних тапочках, с детективом Татьяны Устиновой в одной руке и баночкой пива в другой, Кирилл предавался полному безделью. Погружаясь в затейливые сюжетные повороты криминального чтива, молодой мужчина каждой клеточкой своего существа ощущал, переживал и смаковал чувство собственной абсолютной свободы. Когда в последний раз в середине рабочего дня он подобным образом проводил время? Уже не припомнить.

Кирилл находился в своей квартире в новой элитной новостройке на Пушкинской. Из гостиной открывался чудесный вид на Городской пруд, в доме имелся подземный гараж и прочие прелести. Плюс в соседях этого многоквартирного дома оказалось немало известных в Городе людей. Квартира обошлась недешево, но она того стоила. Вероника с подругой – профессиональным дизайнером сотворили из сего жилища просто конфетку. Жаль, наслаждаться ею Кириллу приходилось нечасто. Домом родным ему был офис. Возвращался за полночь, утром уезжал рано, и, как правило, половину недели проводил в загородном доме.

Обычно квартиру заполняли детские голоса, беспрестанно звонили мобильные телефоны, Вероника шумно обсуждала по телефону дела своей фирмы, вела эмоциональные разговоры с домработницей. Сегодня же здесь царила полная тишина. В квартире он был один.

Рабочий кабинет (по коридору налево от гостиной) закрыт на ключ, Кирилл с книжкой расположился в гостиной. Сегодня – никаких дел. Завтра самолетом он летит в Москву, а затем его ждет Франция.

Резкий звонок в дверь вывел Кирилла из приятных раздумий. «Наверное, Олег», – вспомнил он о младшем брате, с которым собирался встретиться только вечером. Но на пороге стоял плотный мужчина преклонных лет в очках, домашнем халате, шлепанцах на босу ногу и с газетой «Городские новости» в руках. «Сосед с девятого этажа?» – решил Кирилл, непонятно зачем впуская странного визитера в квартиру.

– Кирилл Александрович! Миленький вы мой! Это же просто прелесть! – восторженно восклицал гость, размахивая газетой и уверенно продвигаясь в глубь квартиры.

– А вы собственно... кто? Что вы хотели? – недоумевал Кирилл.

– Вы меня не узнали? – визитер, нимало не смущаясь, уже плюхнулся в кресло, в котором только что сидел хозяин дома. – Всегда спешите, всегда в делах! Гордость вы наша, нашего дома, да что там – нашего Города!

Наткнувшись на раздраженный взгляд Кирилла, Плотный опомнился:

– Да, мы с вами рядом машины паркуем. Неужели не помните? Ну, конечно, у вас же персональный водитель рулит. А мы уж что, мы сами...

Как же бы его поинтеллигентней выставить, гадал Кирилл. Угораздило же познакомиться. И кто он вообще такой?

– Кирилл Александрович! Миленький, – не унимался гость, – я как этот ваш опус в «Городской сплетнице» увидал, так сразу и ахнул.

Плотный развернул газету, в которой целый печатный лист был выделен под рекламу новой акции «WELMI» – двадцатимесячной рассрочке платежей за цифровую технику и компьютеры из так называемого «Детского набора». Обычный ход, уже не новая фишка в рекламной стратегии, не за горами же 1 сентября.

– У меня ведь внук Костенька в этом году пойдет в первый класс. Вот я и решил прикупить родненькому подарок. Звоню в вашу единую справочную. Вот здесь телефон указан: 60—60-60. Но я не все понял из объяснений вашего молодого человека. Вот и решил: надо к вам, вершителю этой пирамиды, обратиться.

«Ну, ясно, хочет комп на халяву получить, вот хам», – подумал Кирилл.

– Да нет, комп на халяву не надо, – тон гостя вдруг резко изменился, он снял очки и совершенно... преобразился. Теперь перед Кириллом сидел высокий молодой человек его возраста, тридцати с небольшим лет, в спортивном костюме.

– Не понял, – Кирилл двинулся на странного гостя.

– Да это я не понял, – остановил его взглядом визитер. – Почему номер телефона – 60—60-60? К чему лишние нули? И что, ничем более интересным, чем торговля залежалым товаром, ты заняться в своей жизни не мог? Хоть бы сам еще производил эту технику. Ты же самый обыкновенный лавочник, Кирюха!!! – с радостным воплем заключил гость.

– Почему залежалым товаром? Да пошел ты отсюда! – Кирилл хотел было ринуться на нежеланного гостя с кулаками, но чудесным образом парализованный взглядом противника, не смог сдвинуться с места.

– Спокойно. Не надо лишних движений. Ты думаешь, я тебя унижить хочу? Отнюдь. Я думаю, что бы из тебя получилось, если бы ты продолжил работу над дипломным проектом? Ты еще помнишь название своей темы?

Кирилл окаменел, в груди похолодело. Что за чертовщина? Еще безрезультатно пытаюсь заставить слушаться собственное тело, он почувствовал наступающую дурноту.

– Жаль. Мне, правда, очень жаль. И все же тебе придется мне помочь.

Стремительным прыжком гость поднялся с кресла, подошел к хозяину дома вплотную, положил ему на голову руки. Окружающее поплыло перед Кириллом, приобретая неестественный фиолетовый оттенок. На долю секунды он увидел улыбающиеся лица детей с газетной рекламы, затем их скрыла фиолетово – черная пелена. И он стремительно сорвался в пропасть полной бессознательности.

Планы меняются

«Встаем рано, ложимся поздно. Палаточный городок раскинулся у подножья холма. В первый день мужики устроили деревянный навес для кухни и срубили большой деревянный стол. Здесь мы трапезничаем коллективно. На раскопе мне в этом сезоне страшно везет, могильник богат находками, только успевай описывать, главное орудие труда твоего верного слуги – кисточка и перо. Впрочем, отличилась недавно и на образцовой зачистке² В паре с Короедом. Хочешь, познакомлю, это наш местный бог, из тех, кому летом воздух Города невыносим, классный парень! Ночами песни у костра, Короед запекает. Умываемся в ручье, к цивилизации, то бишь, в деревню, выбираемся не чаще одного раза в неделю. Ну, же, Женька, ты еще не соскучилась по этой романтике? У тебя не появилось желание, „рожки с соусами лопать, загореть под копоть“? 20 июля в наш отряд должно прибыть новое пополнение. Может быть, вы с Фроловым плавно вольетесь в ряды добровольцев? Археология вам этого никогда не забудет!»

Женька отложила в сторону листок с Наташкиными каракулями. 20 июля – это же завтра. Про «своего Фролова» – это у тебя, подруга, устаревшая информация. Да и Фролов на раскопе – это нонсенс. Женя попыталась представить Олега по пояс голым с лопатой на перевес в центре квадрата и не смогла. Вот на бровке в цивильных бриджах и широкополой шляпе с картой раскопа в руках – в роли «сахема», командующего «неграми»^{3*}, – это еще похоже на правду. Хотя тоже верится с трудом, ведь, справедливости ради стоит признать: Фролов – типичное дитя асфальта.

Нет, в поле она поедет только с Лохматым. Сейчас же, не медля ни минуты, Женька позвонила Диме и дала указание собирать рюкзак. Еще нужно было созвониться со студентом истфака, телефон которого указала в письме Наталья.

Неожиданно эти скоропалительные планы перечеркнул другой телефонный звонок.

– Женька, привет. Давно не пересекались.

Девушка удивилась, насколько чужим ей показался голос Олега.

– Слушай, тут есть одно дело. Твои одноклассники все в разъезде?

– Кто как. А что?

– Понимаешь, моему брату Кириллу..., ну, ты его знаешь?

(«Еще бы, кто не знает Кирилла Андреева?!»)

– Кириллу для нового магазина требуется стажер – старшеклассник, ясное дело – продвинутый в компьютерах, хорошо бы отличник. Предложение интересное – и парню заработок на время летних каникул, и практика. Подумай, а? Это срочно.

– Срочно... – Задумалась Женя. И тут ее осенило. – Есть такой парень.

– Тогда сегодня в 16.00. Кирилл будет ждать вас в своем центральном офисе. Спасибо, Женя. Пока.

Через полчаса Женька встречалась с Димой в сквере у памятника еще одному известному революционеру. В аскетически строгой шинели, с трагическим выражением бронзового лица Железный деятель давно минувших дней со своего невысокого постамент, казалось, строго наблюдал за прохожими, спешившими в разные стороны по дорожкам сквера, зарос-

² Зачистка – так, кажется, археологи называют расчистку поверхности квадрата, позволяющую зарисовать отложения грунта и определить следы жизнедеятельности человека, местоположение строений и очага.

^{3*} Сахем – кажется, вождь у индейцев, а у археологов – студент, обладающий определенными познаниями в области этой науки, изучающий историю с лопатой в руках. Неграми называли добровольцев – как правило, школьников, выполнявших земляные работы.

шего неухоженным кустарником. «Что собой может являть этот памятник в нашем Городе сегодня? – думал Дима. – Что он может символизировать? И странно, почему, кроме меня, об этом, похоже, никто не задумывается?»

Женька налетела как ветер, его сильными порывами эти не относящиеся к нашему повествованию мысли были бесследно развеяны.

– Планы круто меняются, – Женькина решимость была заразной. – Сейчас мы идем в парикмахерскую.

– Ты решила поменять прическу? Зачем? – Вот уж куда-куда, а в парикмахерские с девушками Дмитрию ходить еще не приходилось.

– Я – нет, а ты – да.

– ???!

Минут через сорок Лохматый перестал быть таковым. Модная короткая стрижка ему очень шла, Женька осталась вполне довольна. Однако недоуменное выражение лица ее приятеля свидетельствовало, что метаморфоза собственной внешности потрясла его до глубины души.

– И что теперь? – Дима почти испуганно взирал на свою мучительницу. («Представляю реакцию мамы!»)

– Теперь мы идем к тебе домой, выбираем что-то более приличное из твоего гардероба, потому что через полтора часа нам предстоит встреча с твоим работодателем.

– С кем?

– За мной, и без вопросов!

В назначенное время сопровождаемая услужливой секретаршей пара молодых людей проследовала в «святая святых» компании «WELMI» – кабинет генерального директора. Разглядывая с почти неприличным любопытством начинку офиса, Дмитрий в первые минуты не заметил его хозяина. Кирилл, покинув роскошное кожаное кресло за рабочим столом, напминавшим небольшое футбольное поле, стоял у окна, занимавшего половину стены кабинета, всматривался в даль голубого ландшафта и нервно курил. Женька с удивлением отметила его бледность и странное выражение лица – отсутствие такой характерной улыбки. Наверное, минуты три хозяин не замечал гостей, и те вынуждены были неловко переминаться с ноги на ногу.

– А, это вы. Привет, Женька, – наконец обратил внимание на визитеров Кирилл. – Летние каникулы тебе явно идут на пользу, – вяло и бесцветно обратился он к девушке.

После того, как Женька с бурей эмоций представила своего визави, между ним и Андреевым состоялся краткий деловой разговор. Дима отвечал на вопросы бизнесмена спокойно и четко, чем вызвал улыбку удивления и скупую похвалу.

– Что ж, для одиннадцатиклассника совсем неплохо. Думаю, проблем с поступлением в технический вуз не будет. Вы мне подходите. Сейчас придет... – Кирилл замялся, болезненная гримаса, появившаяся на его лице, выдала головную боль, – директор нового магазина, в котором вам предстоит трудиться.

В подтверждение этих слов дверь кабинета отворилась, и в кабинет стремительно влетел... уже знакомый читателям недавний гость Кирилла – 30-летний вариант в строгом деловом костюме.

– А вот, кстати, и он, – хозяин офиса не удосужился представить новое действующее лицо.

– Да, а вот и я. Меня, похоже, ждали, – «директор магазина» пребывал в прекрасном расположении духа. – А вот и вы.

«Директор» учтиво поздоровался с юношей, церемонно поцеловал руку девушке и... принялся откровенно их рассматривать. Женя первой смутилась от пристального внимания к собственной персоне.

– Чудесно, чудесно. Такими я вас себе и представлял, – лицо «директора» светилось умильной улыбкой добренького папаши, собиравшегося взять шефство над милыми детьми.

Он усадил Диму и Женю на кожаный диванчик и повел обстоятельную беседу: где учатся? чему? что умеют? какие пристрастия имеют? чем увлекаются? чем занимаются их родители?

– А свою красоту, Женечка, вы, наверное, унаследовали от матери. Да-да, она тоже... – неожиданно заметил лжедиректор про себя.

Женьке эта «душеспасительная» беседа порядком надоела. Никогда бы не подумала, какой тщательный отбор проходят претенденты на должность служащих сей славной компании. Удивляло и поведение хозяина офиса. Обхватив руками голову и упершись локтями о поверхность стола, Кирилл зачарованно смотрел в какую-то точку на своем письменном приборе, и, казалось, ничего не слышал и не видел, ровно никакого участия в происходящем не принимал. Все это было более чем странно. Таким Андреева Женя никогда не видела.

Галстук, заимствованный по настоянию подруги у отца, давил Диме шею, бегающие и какие-то бездонные глаза «директора», его становящиеся все более нескромными вопросы начинали раздражать. Сцена в офисе явно затянулась, не хватало развязки.

Неожиданно по внутренней связи Кириллу сообщили о новом посетителе.

– Кого ты ждешь?

Женьку поразил властный и гневный тон «директора». Кто он такой, чтобы так разговаривать с Андреевым?

– Не знаю, – по-прежнему вяло и безучастно ответил Кирилл.

– Немедленно отмени визит. Ты никого не принимаешь.

Но дверь уже открылась, пропуская в кабинет новое действующее лицо.

– Какая встреча! – почти театрально воскликнул вошедший, обращаясь к слегка обескураженному «директору». – Оказывается, этот мир тоже тесен, иначе бы мы не встретились.

– Привет, ребята! – последняя реплика адресовалась юноше и девушке.

Бизнесмену, восседавшему все в той же позе и ничего не заметившему, достался лишь легкий кивок головы.

Строгий костюм, галстук в тон, лакированные туфли и облако хорошего парфюма – Незнакомец (вариант около тридцати лет), а это, конечно, был он, обворожительно улыбался.

– Дружище, – обратился он вновь к лжедиректору, – как же давно мы не виделись. А ведь раньше, – он вдруг запнулся и притворно помрачнел, – раньше были почти неразлучны. Молодые люди (это в сторону Жени и Димы), мы учились вместе. А теперь мой однокашник даже здороваться со мной не хочет. Вот ведь как бывает.

Незнакомец попытался дружески похлопать «приятеля» по плечу, но тот ловко увернулся.

– Что тебе надо? Убирайся вон! – почти зарычал от злости «директор», моментально теряя весь свой интеллигентный лоск.

– У меня здесь свои интересы. С Евгенией и Дмитрием Сергеевичем я знаком значительно ближе, чем ты. Женя, должен вам заметить, что идея подобного трудоустройства Дмитрия была не слишком удачной. Нам следует немедленно покинуть это заведение.

Последние слова Незнакомец проговорил, увлекая их в направлении двери.

– Не смей, никто отсюда не уйдет! – глаза «директора» загорелись зловещим красным светом, и, подчиняясь его взгляду, входная дверь с треском захлопнулась и... исчезла, слившись со стеной.

– Брось, Брайан, кого ты хочешь напугать своими штуками, меня, что ли?

Женька заметила печаль в глазах Незнакомца. Дима, предчувствуя какую-то разборку, схватил ее за руку.

Пружинистым шагом пантеры, доведенной до последней стадии бешенства, мнимый директор решительно направился в сторону Незнакомца.

– Говорю тебе, Брайан, остановись. К чему лишнее членовредительство? – пытался утихомирить тот однокашника.

– Почему ты всегда встаешь на моем пути? – почти шипел от злости тот, кого называли Брайаном. – Ты-то что здесь делаешь? Тебе нужен этот мальчишка? Этот будущий литератор или философ? Конечно, он же по твоей специализации, он твоего профиля. Меня мог бы заинтересовать этот математик, – кивнул он на Кирилла. – Но к счастью, с этим мерзопакостным занятием – коллекционированием гениев – я давно завязал.

– Открой нам путь, Брайан, и разойдемся с миром.

– И, как всегда, все достанется тебе. А мне придется довольствоваться только залежалым товаром – несостоявшимся математиком. Ну, уж нет. Это нечестно. Если хочешь, бери себе мальчишку, девочку оставь мне.

– Да, что вы себе позволяете?! – возмутился Дима.

Одно, почти незаметное движение руки Брайана, без какого-либо прикосновения, и юноша оказался придавленным к полу.

– Прекрати немедленно, – Незнакомец заслонил собой Женю. – Никакой дележ я здесь устраивать не собираюсь.

– Прочь, Странник, уйди с моей дороги. Я все равно возьму то, что хочу, – продолжал буйствовать Брайан.

«Выстрелив» тем же способом в потолок он разбил вдребезги светильники на потолочных блоках. Дождь из цветного стекла хлынул на присутствующих. Чуть позже стеклянным ливнем осыпалось окно. В офисе начался смерчеобразный дикий полет каких-то бумаг, настольных предметов генерального директора великого концерна «WELMI», на что, впрочем, последний не обращал совершенно никакого внимания, стульев, цветочных горшков, поломанных жалюзи, осколков кондиционеров, какой-то офисной мебели. Последним, с натугой выдернув вилку шнура из розетки, оторвался от поверхности стола и перешел в состояние почти космической невесомости системный блок, жидкокристаллический монитор и клавиатура разбились чуть раньше. Новенький ноутбук, с треском ударившись о стену, разлетелся на мелкие кусочки.

В это время Женька, опустившись на корточки, доползла до распростертого на полу Димы. Незнакомец же наоборот, заложив руки за спину, выпрямился во весь рост.

– Брайан, что за цирк ты здесь устроил? Неужели меня напугать решил? Согласись, твои приемы давно устарели. Ну, что ж, теперь моя очередь.

Внезапно стена в том месте, где недавно была дверь, раскололась, обнажив свою цементную начинку, посыпалась известка, и в проеме трещины появилось третье действующее лицо. Это была женщина гигантского роста. Женька поняла это, потому что голова вновь вошедшей почти упиралась в потолок. Женщина была молода, ее правильные черты лица можно было назвать красивыми, если бы не абсолютно бесстрастное, лишенное каких-либо эмоций его выражение. Дама была облачена в переливающийся серебром синий комбинезон.

– Ну, конечно, поодиночке мы не ходим, – Брайан отступил назад.

– Лола, милая, наведи здесь порядок, пожалуйста.

Спокойно и с достоинством кивнув Незнакомцу, женщина со странным и совершенно не подходящим ей именем Лола окинула быстрым взглядом разгромленный офис. Она вытянула вперед руки, затем закрыла лицо скрещенными ладонями и вновь развела их. Больше всего Женю поразили ее необыкновенно длинные пальцы с синими ногтями. «Как у пиа-

нистки», – подумала девушка. Плавное движение левой ладони Лолы в сторону остова окна, и пластиковая рама со стеклопакетом и модным жалюзи была моментально восстановлена.

Брайан, как и все присутствующие, за исключением Кирилла, зачарованно наблюдал за легкими и странно изящными движениями рук Лолы. Через две минуты офис сиял как после евроремонта. Резким движением ладони Лола направила в сторону Димы серебристо-голубой луч, и он тот час же очнулся. Кирилл после подобной операции наоборот уснул, положив голову на стол.

Наконец вниманием исполинской женщины завладел Брайан. С нескрываемой ненавистью в глазах лжедиректор, прижатый к полу, пытался ползком ретироваться в дальний угол офиса.

– Мегера, – шипел он от бессильной злости, – убирайся к своим... чудовищам, исчадие ада.

Теперь ладони Лолы испускали лучи красноватого цвета. Брайан был парализован, его лицо явственно искажилось болью.

– Довольно, – Незнакомец, казавшийся подростком – недорослем на фоне своей помощницы, видимо, вполне наслаждался зрелищем поражения противника. – Мне жаль, Брайан, но я ничем не могу тебе помочь. Ты сам выбрал этот путь. Счастливого финала ждать не приходится.

Еще не пришедший в себя от потрясения, тот, кого называли Брайаном, пошатываясь, поднялся с пола. Лицо его посерело и, казалось, постарело на десяток лет.

– Немедленно покинь этот мир, – властно приказал ему Незнакомец.

– Ты пожалеешь... – Глухо прохрипел лжедиректор. Его фигуру обьяли зеленые всполохи или нечто, напоминающее облако, и он бесследно исчез.

– Что это было? – немедленно потребовал объяснений Дима, которому, наконец, удалось подняться с пола и окончательно прийти в себя.

Отступив на шаг назад и обернувшись, он увидел Лолу и ...на время лишился дара речи. Женька же была настолько ошарашена происходящим, что задавать какие-либо вопросы просто не решалась. Кирилл, как уже говорилось, вообще спал и ровно никакого участия в событиях, происходивших в его офисе, не принимал.

– Молодые люди, наверное, и при наших прошлых встречах вы заметили, что я... – Незнакомец неожиданно замялся и почему-то смутился, – ...что я несколько чужд вашему миру. Брайан и моя спутница, как вы можете догадаться, тоже. Мы носители иной цивилизации и культуры. Хотя, вернее даже, иных цивилизаций и культур, неведомых земной. Ну, вспомните, например, цитату из вашего классика, Шекспира, кажется...

– Про то, что «и не снилось нашим мудрецам»? – откликнулась Женька.

– Да, да, совершенно точно. Вы, друзья мои, оказались в центре внимания, заинтересовали полярные по целям сообщества представителей иных миров.

– Что же в нас такого особенно привлекательного?

– Это длинная история. Я не могу вам сейчас объяснить все. Брайан не одинок. Своих намерений он не оставит. Рано или поздно он вернется, и не один. Я же хочу помочь вам.

– Кто такой Брайан? – не прекращал свои расспросы Дима.

– Если хочешь определения его сути, он – тот, кого в вашем мире называют демоном. Он служитель и приверженец сил, несущих Вселенной зло и порождающих регресс и хаос.

– А вы и эта дама, значит, представляете на Земле силы добра? Вы то есть...?

– Нет, нет, мы не боги! – рассмеялся Незнакомец. – Мы те, кто ратует за прогресс и поступательное развитие. Я объясню все позже. А сейчас главное – обеспечить вашу безопасность. Здесь это крайне затруднительно. Вы должны вместе со мной ...покинуть этот мир.

– Только не говорите, что мы должны умереть. А что с Кириллом Александровичем? – очнулась Женька.

– Конечно, нет. А с Кириллом тоже, что и с вашими недавними противниками в парке. На время они стали орудием зла, их превратили в зомби, кажется, у вас это так называется? В этой роли может оказаться любой, даже близкий вам человек. Почти любой. Противостоять этому насилию способны только... только гении или особо цельные натуры. Обо всем этом позже. А сейчас нам нужно спешить.

Не принимавшая никакого участия в разговоре и до поры застывшая в оцепенении Лола вдруг двинулась в сторону Дмитрия и подняла вверх ладони. Не успевший опомниться юноша был сражен лучом фиолетового цвета, мгновенно обмяк и потерял сознание. Лола ловко подхватила его одной рукой как мать маленького ребенка. Другую руку она направила в Женькину сторону и проделала какие-то замысловатые движения. Через секунду девушка обнаружила, что вокруг ее тела начала формироваться странная, белесая желеобразная субстанция, наподобие кокона или яйца. Слои «яйца» стремительно нарастали в виде спирали. И буквально через минуту «яйцо» замкнулось сантиметрах в пятидесяти над Женькиной головой.

– Не волнуйтесь, Женя, с вами все будет хорошо, вы в безопасности, – донесся до нее извне голос Незнакомца.

Внутри полупрозрачного яйца было тепло и уютно, девушка неожиданно поняла, что ее ноги не касаются дна, и она невесомо висит в воздухе. Резко качнувшись и с трудом отлепившись от пола, «яйцо» с Женькой внутри быстро взмыло вверх, развернулось в сторону окна и с дикой скоростью вылетело сквозь него наружу, не причинив при этом последнему никакого вреда.

– Ну, что ж, Лола, нам тоже пора, – произнес Незнакомец, проводив Женькино яйцо взглядом.

Он подошел к своей спутнице, все также поддерживающей потерявшего сознание юношу. Повернувшись друг к другу спинами и на миг соприкоснувшись, странная пара исчезла в сполохах фиолетового цвета. Исчезла вместе с земным юношей Дмитрием.

Еще через некоторое время Кирилл, оставшийся в собственном кабинете в полном одиночестве, очнулся. Страшно болела голова. Бизнесмен пытался совладать со своей памятью и свести концы с концами. Что он вообще делает сегодня в офисе? В мозгу вертелись какие-то чужие фразы: «Несостоявшийся математик! Ты – лавочник, Кирюха!» От этого было пусто и муторно на душе. Неожиданно взгляд Кирилла наткнулся на ярко-голубой настенный календарь. На фоне Городской плотины красовался его портрет. Броскую надпись «Город для людей» дополнял скромный призыв: «Голосуйте за нашего кандидата Кирилла Андреева!»

«Бежать, бежать немедленно!» Посмотрев на часы, он сообразил, что до вылета самолета оставался всего час. С необыкновенной прытью вскочив со своего директорского кресла, Кирилл перепрыгнул через стол и со скоростью спасающегося от верной смерти беглеца покинул офис. Он спешил, словно, правда надеялся, что можно убежать от самого себя.

Часть 2. Между мирами. Полет на Луну и не только

С высоты восьмого этажа, на котором располагался офис Кирилла, Город, погруженный в летний вечер, казался яркой картинкой из детской книжки. Женькино «яйцо», вырвавшись на свободу из объятий монолита помпезного здания «WELMI», зависло на время на уровне окна, словно выбирая направление дальнейшего полета, затем плавно завращалось вокруг своей оси, так, что у невольной пассажирки слегка закружилась голова, резко набрало скорость и устремилось вверх, перпендикулярно Земле.

Сквозь студенистую стенку странного, но комфортабельного летательного аппарата – это явно был летательный аппарат, догадалась Женя, – девушка наблюдала как все объекты Городского ландшафта – трубы завода, многоэтажные новостройки, громоздкое сооружение, символизирующее единение и дружбу народов и называемое в просторечье лыжами Петровой, очертания городских улиц, утопающих в зелени, продолговатое, блестящее и подернутое легкой рябью зеркальце пруда – все уменьшалось в размерах, превращалось в точки и, наконец, исчезло, как будто Города и не было вовсе. Через несколько минут «яйцо» преодолело земную атмосферу и вырвалось в космическое пространство. С мультипликационной скоростью вниз земная поверхность ограничивалась до размеров красивого голубого шара. Женя с неподдельным любопытством разглядывала знакомые с детства по картам континенты на фоне синих просторов Мирового океана.

В черном мраке космоса над «яйцом» нависал, поблескивая серебром, лунный диск. С невероятной силой белый комочек с Женей внутри несло к нему навстречу.

Сфера Луны быстро увеличивалась до грандиозных размеров. Все это показалось Женьке смутно знакомым, как будто бы уже виденным раньше. Через минуту поверхность планеты стала четко различима, мертвенно черная по цвету, размеченная хорошо известными по существующим фотографиям лунными кратерами. Но вот то, что «было неведомо нашим мудрецам», – во многих местах эта явно искусственная поверхность обрывалась и приоткрывала следующий слой лунной тверди с характерным металлическим блеском. На металле выделялись заклепки (или что-то вроде этого) и выпуклые поверхности гигантских люков.

Где она все это уже видела? Ну, конечно же, во сне, несколько недель назад. Но ведь сейчас она тоже витает во сне! Прямо многосерийное «мыло» какое-то получается. Один из люков размерами с небольшое земное футбольное поле с громким скрежетом открылся и маленькое Женькино «яйцо» затянуло в его разверстую пасть. Крышка люка тяжело захлопнулась, свет померк. Женю в «яйце» тряхнуло, внутри что-то булькнуло, и только теперь девушка поняла, что находилась внутри аппарата, полностью заполненного какой-то жидкостью. В крошечной тьме Женя чувствовала, как несется куда-то вниз, ее точно также как на горках в аквапарке иногда потряхивало на поворотах, как будто она катилась по узкому извилистому каналу. «Какие яркие ощущения для сна», – подумала девушка прежде, чем окончательно потерять сознание.

Путешествие Дмитрия оказалось не столь впечатляющим, длилось всего несколько секунд и прошло для юноши совершенно незамеченным. В один прекрасный момент, спустя значительное время после описанных событий, он проснулся. При пробуждении Дима обнаружил себя лежащим в постели в небольшой комнате. Открыв глаза и присмотревшись, он попробовал встать. Это оказалось непросто. Всем телом владела слабость, руки, ноги – все болело и ныло, как после затяжного кросса. Голова слегка кружилась, во рту явственно ощущался какой-то странный металлический привкус. С трудом приподнявшись на локте и оглянувшись, Дмитрий задумался: «Где это я, и что со мной?» Комната имела полуовальную форму, исключавшую острые углы, ее стены и странно нависающий на уровне поднятой руки потолок были отделаны белым блестящим материалом, на первый взгляд напоминающим пластик.

Кровать, на которой возлежал наш герой в одних плавках, была совершенно круглой, возвышалась в центре комнаты, от пола отделялась тремя ступенями. То, что ранее показалось Дмитрию постельным бельем, напоминало нечто среднее между целлофаном и шерстяным пледом. Скинув с себя это странное покрывало, Дима прыгнул на пол. Пол оказался теплым и слегка вибрировал. Над головой Дмитрия немедленно загорелась красным неярким светом одна из секций потолка, часть стены, представлявшая собой дверь с шумом отъехала в сторону и на пороге Диминого «жилища» появился высокий черноволосый парень примерно одного с ним возраста. Молодой человек стройного телосложения с правильными чертами лица и глазами необычайно голубого цвета был облачен в странное белое одеяние, имеющее вид балахона.

– Привет, ты уже проснулся? Слишком рано, – с этими словами он уверенно шагнул в комнату, подхватил Дмитрия за руки и усадил на постели.

– Ты кто? – спросил гостя Дмитрий.

– Резкие движения тебе вряд ли сейчас пойдут на пользу. Голова не кружится, не тошнит? Звездного фейерверка не наблюдается? А я... – тут парень замялся, посмотрел внимательно Диме прямо в глаза, весело и заразительно рассмеялся. – Ну, допустим, медбрат, дежурный...

– Я что, в больнице?

– Да, нет, скорее в изоляторе.

– Я здесь давно? – продолжал расспрашивать Дмитрий, окончательно приходя в бодрое состояние.

– Ммм... Порядочно. Профессор доставил тебя... – молодой человек вновь запнулся, сосредоточенно глядя на Диму, – дней десять назад. Жаль, его сейчас нет. Быть может, ты хочешь есть? Хотя вряд ли. После энергетического сеанса потребность в материальной пище появляется не скоро, – отметил он для себя.

– А душ?

– Это тоже пока не стоит. А вот облачиться в одежды – это можно...

Из стены немедленно выдвинулся и открылся миниатюрный платяной шкаф, в котором находилось несколько черных брючных костюмов, расшитых серебристыми блестками.

Дмитрий нетерпеливо натягивал штаны и ежился под испытующими взглядами медбрата, который почему-то с любопытством его рассматривал.

– Значит ты – гомо сапиенс? Мир Земли? Век где-то в районе второго десятка?

– Третьего. А ты что с Луны свалился? Ты – не гомо сапиенс? – Дмитрий застегивал белую рубашку на груди и рассматривал как будто впервые собственное отражение в зеркальной дверце импровизированного шкафа.

Парень вдруг смутился:

– Ну, я тоже гомо сапиенс, то есть гуманоид. Ты знаешь, я ведь человека мира Земли-7 вижу практически в первый раз. Современную историю вашей цивилизации изучают факультативно только на пятом курсе, а я еще на третьем. Хотя, когда учился на первом, одного субъекта из вашего мира я видел. Он все время проводил в Академической библиотеке, в хранилище по истории мировых цивилизаций. Потом неожиданно исчез куда-то.

– О чем ты? – искренне удивился Дима. – Слушай, друг, а Женька где? В какой палате? В женском отделении?

– О чем ты? – не понял в свою очередь медбрат. – Профессор изъяс только одного индивида.

– Профессор? Кто это? Я серьезно, где мне девушку найти, которая была со мной?

– А ты, похоже, так и не понял, где находишься? – насмешливая улыбка «медбрата» сменилась серьезной миной.

Он резко встал, слегка поклонился и, приложив ладонь с растопыренными пальцами к груди, плавным движением этой же ладони помахал Дмитрию и почти торжественно произнес:

– Поздравляю тебя, Дмитрий, и приветствую в Обители Космических Странников.

– Где? В обители? Странников? – Дима не знал, плакать ему или смеяться...

– Да, вернее, в Городке Академии Космических Странников. Это большая честь оказаться здесь. Не каждый сюда будет зван, не каждому откроется мудрость.

«Медбрат» преобразился – щеки пылали, восторг читался в глазах.

– Космические странники – кто это? – Дима, пораженный и начинающий что-то понимать, внимательно следил за своим собеседником.

– Космические Странники – это исследователи Вселенной, представители разных миров, объединенные благородной целью содействия общемировому прогрессу, сохранению и умножению сокровищницы знаний о мирах бесконечной Вселенной. – Заученным тоном продолжил его странный собеседник. – Еще раз поздравляю тебя, если ты здесь, значит ты – избранный, ты – единичен и уникален, необыкновенен и неповторим, ты... – медбрат стер с лица серьезно – пафосное выражение, заразительно весело, совсем по-мальчишески рассмеялся, но закончил серьезно, – ты... – гений.

– Вот не понимаю, парень, ты просто прикидываешься, или крыша у тебя окончательно съехала? – не зло поинтересовался Дима, этот веселый парень ему определенно был симпатичен. – Слушай, представитель иных миров, русский язык ты давно выучил?

– Русский язык? Это твой родной способ общения? – поинтересовался «медбрат». – Ты думаешь, я знаю русский язык?! – вновь засмеялся он. – Наивный. Каждый из нас говорит на своем родном языке, но общаемся мы посредством обмена мысленными импульсами. Я просто настроился на биоритмы твоего мозга. А знать языки разных миров совсем необязательно. Это интересно только с лингвистической точки зрения.

Из рта «медбрата» неожиданно полились какие-то чирикающие, птичьи звуки. От этих почти мелодичных трелей Дмитрий даже присел.

– Ну, как тебе мой родной язык? – «на чистом русском языке» продолжил «медбрат». – Общение на уровне обмена мыслями, а не их следствиями – звуковыми вариациями и выражениями во много раз эффективнее и действеннее. Такое общение позволяет легко и естественно переводить незнакомые понятия в ранг близких и доступных. Ты этому быстро научишься. А теперь давай знакомиться, зови меня Ингвальдом, к примеру. А тебя зовут Дмитрием, я знаю. Наши с тобой миры уже не пересекаются, но я знаю и чувствую, что мы похожи. Хочешь, будем держаться вместе, все-таки почти родственники, гуманоиды, с местными негуманоидами мне как-то не очень... тяжело. Физическая несовместимость – непростая штука. Я здесь третий год, такого насмотрелся... Каникулы только что закончились, а домой тянет так же, как и в конце семестра.

Ингвальд говорил и говорил, Дмитрий внимал ему ошеломленно и почти потерянно. Он был подавлен. Юноша вдруг понял, что все это правда, события последних недель представляли в другом свете, а встречи с Незнакомцем, он и был Профессором, догадался Дима, приобрели иное значение.

– ...Так вот, представляешь, нас различают состав крови, что-то там с ДНК, продолжительность жизни, представители моего мира живут дольше представителей мира Земли-7, ну, и совершенно другая схема развития цивилизации. А в остальном мы – братья... Да не кисни, тебе здесь понравится. Хотя... – вдруг запнулся Ингвальд, – тот мужик из вашего мира был уже не молод. Он исчез каким-то странным образом, без разрешения Совета. А потом, говорят, там у вас такого натворил... Его звали Нострадамус, кажется...

– Да уж слышал...

– И что ты о нем слышал? Здесь был переполох, а почему, нам не объяснили.

– Нострадамус напроорочил историю на несколько веков вперед. Да и то большей частью переврал. – Дима, все еще пребывающий в состоянии легкого шока, отрешенно взирал на потолок, и даже упоминание о Нострадамусе, казалось, не слишком привлекло его внимание.

– Да просто ваш пророк не все понял. Учился всего лишь на первом курсе.

– Ты говоришь, я здесь десять дней? И что со мной было все это время? – Вновь поинтересовался Дима.

– Не очень. Тебя усиленно лечили. Восстанавливали энергетический баланс.

– Как это?

– Потом узнаешь. Пойдем, прогуляемся.

Здание, в котором находилась комната, сияло ослепительной белизной. В безлюдном коридоре обнаружилось множество почти незаметных на фоне стен дверей. Они долго кружили по лабиринтам этажа, прежде чем оказались перед входом в комнату, вероятно, служившую лифтом. Внутри лифта, мелодично вибрирующего, неизвестно откуда лилась музыка, приятная и какая-то оптимистическая, жизнеутверждающая. К нему совершенно не понятно почему вновь возвращалось бодрое настроение. Ингвальд, молчавший последнее время, был погружен в собственные мысли. Дмитрий не сразу обратил внимание на то, что лифт двигался более чем странно: не вверх или вниз по вертикали здания, и даже не под углом, а по спирали вокруг него.

– А где мы находимся? – прервал он затянувшуюся паузу.

– Что? – Ингвальд не сразу расстался со своими мыслями, – ну, это здание... – Он замялся, словно с трудом пытаясь перевести на земные понятия, – это вроде вашей больницы или санатория, восстановительного. Правда, ты здесь единственный пациент, кстати, очень запущенный.

– Да я здоров, как бык, – обиделся Дима.

– Может быть, но мир твой болен. Много опасных инфекций ты несешь в себе. Сейчас ты чист, не беспокойся. К тому же физическое пребывание в Обители требует подготовки. Мы провели чистку и укрепление твоего биополя. Теперь ты – богатырь, в энергетическом смысле, конечно.

Дверцы лифта бесшумно раздвинулись в стороны, и молодые люди оказались на ярко-зеленой лужайке. Ингвальд оставил в лифте свой балахон и теперь был облачен примерно также как Дмитрий – в черный костюм, расшитый белыми блестками. Цвет его волос также изменился на темно- каштановый. Он решительно направился вперед, а Дима отстал, желая рассмотреть покинутое ими строение.

Белая громада здания напоминала замысловатый замок, поражающий своей высотой и кружевной лепниной балконов, каких-то непонятных архитектурных элементов и шпилей. Необыкновенно яркие насыщенные цвета – белый здания, зеленый лужайки, отвлекли внимание Дмитрия от небосвода... Третий цвет – нежно голубой был словно разлит вокруг. Воздух, напоенный летним теплом, был недвижим, не чувствовалось ни дуновения ветерка, никакого шума. На небе не наблюдалось ни намека на светило, свет лился сам по себе из неизвестного источника. Вдруг Дмитрий услышал мелодию, подобную той, что звучала в лифте. Ею был напоен, кажется, каждый сантиметр ландшафта. Все дышало покоем, умиротворением и тихой радостью. Дима ощущал это каждой клеточкой своего существа.

Ингвальд, шедший по одной из усыпанных чем-то, напоминающим гравий, дорожек, часто перерезавших зеленую лужайку, нетерпеливо остановился, ожидая попутчика.

– Тебе здесь нравится? – спросил он Диму.

– Это что – рай? – поинтересовался тот.

– Вроде того. Обратил внимание на музыку? Заметь, каждый слышит свою, милую его сердцу мелодию. Эта музыка, светлые тона строений, классические цвета окружающего ландшафта призваны создавать позитивное настроение и оптимистическое, гармоничное состояние духа. Творить в грязи и суете нельзя.

– Где мы находимся? – повторил свой вопрос Дмитрий.

– В Академическом городке Обители. Сейчас спешим в... ну, допустим, в Центральную библиотеку. Видишь ли, Обитель располагается в искусственно созданном мире, на границе других миров. Поэтому ты и не нашел в небе солнца. Здесь все создано волей мыслящих субъектов, а не природы... Впрочем, все это не иллюзия, все из естественных материалов, и трава натуральная, – продолжил он, наблюдая, как Дмитрий рассматривает сорванную травинку.

– А Обитель где существует? В какой галактике? – Дмитрий по-прежнему пытливно изучал новый мир.

– Нигде. Я же сказал – на границе, стыке разных миров. На космолете сюда не добраться, билеты не продаются. А попасть сюда можно только в сопровождении дамы из мира Воинов.

– Здесь все такое... новое, первозданное.

– Это обманчивое впечатление. Обитель основана очень давно.

– Ты говорил о Нострадамусе. Но он жил несколько столетий назад. Как ты мог его видеть совсем недавно?

Ингвальд снисходительно усмехнулся:

– Ты наивен. Кто же измеряет время земными мерками на изломе миров?! Если хочешь знать, здесь времени вообще не существует. Абсолютное безвременье, почти...

– Вечность? – вдруг догадался Дмитрий.

– Да, нет, это уж слишком, – смутился Ингвальд, – KS – не боги, и Обитель – не Олимп. Разве в твоём мире не догадываются, что время в разных мирах течет по-разному?

– Догадываются... Только об этом и думают, – вздохнул землянин.

Еще через несколько минут пути взору Дмитрия и Ингвальда предстал новый объект. На зеленом фоне выделялся белый постамент. Мягкие золотистые тона, в которые был окрашен большой шар, располагавшийся на постаменте, привлекали к себе внимание. Красные росчерки на шаре и лучи, исходявшие от него, казалось, дарили натуральное тепло.

– Это памятник Звезде.

– Какой Звезде?

– Если хочешь, земному Солнцу. Каждый видит в ней светило своего мира, согревающее теплом и дарящее жизнь. Практически в каждом мире звезда – краеугольный камень его существования, отправная точка зарождения и развития жизни и всего сущего. В искусственном мире, населенном представителями чуждых друг другу цивилизаций и на имеющем собственной звезды, должен быть хотя бы ее памятник. К слову, материалом для этого памятника послужила материя реальной звезды, погибшей. Не советую прикасаться к памятнику. Это не земная скульптура.

О чем думал Дмитрий в этот момент: о том, когда увидит родное Солнце, или о том, догадается ли на Земле кто-нибудь воздвигнуть солнечный памятник, неизвестно.

– А вот мы и пришли.

Небосклон закрыл большой купол нового здания такого же белого цвета, первого в ряду других строений, выдержанных в одном архитектурном стиле. Вступив внутрь здания, Дмитрий и Ингвальд через секунду оказались в круговороте других молодых людей, юношей и девушек их возраста, в черных костюмах, размеченных серебристыми блестками, спешащих в разные стороны необъятного зала.

– Хелло, Ингвальд!

– Привет, дружище!

– Салют! Хей! – несло со всех сторон в адрес попутчика Димы. Улыбки и дружеское похлопывание по плечу – эти совсем земные знаки внимания поразили его своей доброжелательностью

– Что-то не похоже, что это представители чуждых друг другу цивилизаций.

– А ты, вероятно, собирался увидеть зеленых человечков и чудовищ с несметным количеством конечностей? Есть, конечно, и такие, но знаешь, человекоподобные представители Вселенной все же преобладают и в Обители тоже. Заметь, далеко не все из них гуманоиды. Но для большего взаимопонимания мы воспринимаем окружающих как себе подобных.

– То есть, вот, например, эта девушка может оказаться подобной рептилии?

– Да, нет, – Ингвальд рассмеялся, – а девушка абсолютно адекватна тебе. Она из мира, параллельного, вариативного твоему.

Дмитрий и Ингвальд, влившись в один из многоголосых потоков, двигались куда-то вглубь здания. Чувствовалось, что в этой молодежном сообществе все друг друга знали, и царила здесь веселая вольница и товарищество в отношениях. Дима не заметил грустных или скучных лиц. Еще его удивила явная деловитость обитателей этого мира, неподдельный интерес, глубина мысли и цельность угадывались в каждом. Или землянину это только показалось?

Узкий коридор, один из многих, петляя, уводил их куда-то вниз. Дмитрий обратил внимание, что музыка, приглушенная общим гомоном, становилась все более ритмичной и напоминала земной рэп. После очередного поворота коридор как нитка реки достиг своего истока. Массивные 5-метровые двери отворились, впуская молодых людей в гигантский зал. И Дмитрий уже догадался, что его ждет впереди.

– Не понимаю, – сидя на корточках на мягком плюшевом диване и сжимая пальцами виски, повторяла Женька, – не понимаю, ничего не понимаю...

– Успокойтесь, Женя, и постарайтесь как неизменную данность воспринять информацию. – Высокий молодой мужчина, восседавший в кресле напротив, с завидным терпением продолжал свои рассуждения.

– Вы же очень разумная девушка, для своего возраста и социального положения, я бы сказал даже более чем. Вы обладаете богатым воображением и способны к развитию. Ограниченность мышления вам не свойственна, следовательно, воспринять мою информацию для вас не составит труда.

– Да, вы понимаете, что, похитив меня, вы совершаете преступление? Нас с Димой ищут, – продолжала упорствовать Женька, исподлобья наблюдая за собеседником.

– Вас изъяли, а не похитили, это было необходимо для вашей же безопасности, я вам это уже объяснял, – назидательно возразил Высокий, напомнив вдруг девушке школьного учителя. – И, кстати, хочу заметить, вас никто не ищет.

«Учитель» резко откинулся на спинку кресла.

– Ваша мама Ольга Петровна убеждена, что вы со своим новым другом Дмитрием сейчас находитесь в..., как это у вас называется, в археологической экспедиции. Странное, право, занятие и наука странная – археология. Неразумная трата времени, существуют более цивилизованные способы изучения исторической действительности. Впрочем, это я к слову... Да, и ваша подруга Наталья так же убеждена, что вы живете с ней в одной палатке и трудитесь бок о бок на раскопе, а ваш приятель Дмитрий оказался мастером зачистки квадратов.

– То есть как? – в очередной раз удивилась Женя.

– Элементарно, Женечка, элементарно, – воскликнул Высокий.

– Но когда-нибудь отряд вернется в Город.

– И вы тоже. Но до этого момента – у вас масса свободного времени. И у меня есть интересное предложение. Давайте знакомиться.

Высокий встал и, чинно приложив правую ладонь к сердцу, торжественно произнес:

– Я – Страйг, Я – Космический Странник, я умею летать.

Со своего диванчика Женька наблюдала, как он подошел к вогнутой стене, один отсек отодвинулся, приоткрыв черный экран, на котором появилось изображение сферы, размеченной на равные участки.

– Вот это карта Луны. Так, кажется, у вас называется это небесное тело? – В руках Страйга неожиданно появилось нечто вроде указки.

– Луна? Значит, это был не сон? – почти смирилась с реальностью Женька.

– Мы с вами находимся вот здесь, – продолжал Страйг.

На экране загорелся красным цветом один из секторов сферы, близкий к ядру планеты.

– Это, кстати, один из немногих действующих отсеков планеты, а, вернее, орбитальной станции, которая слишком давно заброшена и используется крайне редко.

– Значит?

– Значит, земные мыслители в чем-то правы. Луна – повторяю, это многофункциональная космическая станция, своего рода перевалочная база, правда, крайне запущенная. Я сам здесь... – Страйг замялся, – давно не был. Но, как видите, в нашем отсеке все в действии.

Из панели стены неожиданно выдвинулся стол с двумя бокалами.

– Пейте, пейте, не стесняйтесь, – мужчина галантно подал девушке сосуд с бархатистой оранжевой жидкостью. – Ваш мир я посещал очень давно, во время студенческой практики. Ах, Париж – этот вечный город...

– Ваш полет продолжался 15 минут, – после некоторого раздумья продолжал Страйг.

На экране оранжевым цветом засветилась линия, обозначающая направление Женькиного полета. – Поздравляю вас с первым космическим путешествием, Евгения.

– Ну, и мой... космический корабль не пострадал, я не очень его испортила? – к Женьке вновь возвращалась ее обычная язвительность.

А что еще оставалось в ситуации, когда чувствуешь себя героиней дурацкого документального фильма «Похищенные пришельцами»! Идиотизм полнейший!

– Женечка, – не обращая внимания на насмешку, не унывал ее наставник, – это был космический скафандр, одноразовый, заметьте, зачем же корабль для такого незначительного перемещения!

На экране между тем появилась схема Женькиного «яйца». Страйг увлеченно, с азартом опытного лектора, вещал что-то о составе вещества, образующего «яйцо», его защите от внешнего мира.

Уютно расположившись на диване, Женя чувствовала себя обиженным ребенком, в сотый раз задавала себе вопрос, как ей угораздило вляпаться в эту историю? И что думать об этом ненормальном?

– А почему вы не отправили меня на Марс или Юпитер? Космического корабля свободного не оказалось?

– Женя, я же сказал, что Луна – это перевалочная база. Представь себе, что я... – менеджер турфирмы, предлагающий тебе интереснейшее путешествие. – Неожиданно назидательный тон школьного учителя сменился на резко категоричное утверждение. – Запомни, девочка, твой мир – это не пуп Вселенной. А всего лишь... – здесь Страйг замялся, – его окраина.

– А я значит убогая провинциалка? – немедленно приняла вызов девушка, никогда не чувствовавшая себя рядовой.

– Да, нет, ты особенная, – Страйг вдруг отступил и продолжил после некоторой паузы, – ...ты еще сама не знаешь, какая ты особенная.

Экран без видимых причин на миг погас. Женька съежилась под пристальным взглядом мужчины. Она вдруг подумала, что находится с ним наедине и не имеет ни малейшего понятия, к лицу ли ей этот странный лиловый комбинезон (единственное одеяние, обнаруженное в стенном шкафу), и какие можно найти пути бегства. Между тем ее собеседник вернулся к своим рассуждениям.

– Путешествия по Вселенной вашему миру неведомы, поэтому вы ошибочно считаете единственно приемлемым пространством, полигоном для них – космос. Для нас – это бронзовый век. Космические путешествия – не эффективны и опасны.

– И как же путешествуете вы? – спросила Женька, наблюдая за чередой звезд, вспыхивающих и исчезающих на экране.

Карты звездного неба, сменяя одна другую, мелькали перед взором девушки.

– Мы путешествуем по границам миров, – продолжал Страйг. – Представь, что Вселенная – это не огромная сфера, а тоненькая проволока, скрученная в бесконечные беспорядочные спирали. И для того, чтобы оказаться на другом витке Вселенной достаточно преодолеть всего лишь 2 изоляционных слоя.

Экран с мультипликационной яркостью синхронно иллюстрировал рассказ Странника.

– Весь вопрос в том, как это сделать?

– А вам и вам подобным это под силу? – наконец заинтересовалась Женька.

– Гуманоидам перемещение внутри внешней оболочки Вселенной недоступно. На это способны лишь обитатели мира Воинов, может быть, самого уникального мира среди всего Сущего.

– Мира Воинов? Агрессоры на службе прогресса? Вы же, кажется, причисляете себя к поборникам прогресса? – серьезно-иронично заметила Женька.

– О да, конечно, Женька, KS – поборники вселенского поступательного развития. А воины – не агрессоры, войны – не их стезя, это скорее не совсем верный перевод. Правильнее их назвать защитниками. Их природа чужда природе человеческой. Человек может легко и безопасно бороздить просторы Вселенной только в сопровождении Воина. Кстати, с одной из прекрасных* представительниц этого мира вы недавно познакомились.

– Незнакомец называл ее Лолой, – догадалась девушка. – А я подумала, что она робот.

– Лола – личный воин Профессора. Кстати, Профессор неплохо о вас отзывался.

– Профессор?

– Да, это... известный ученый, ну, допустим, филолог, педагог. Он много лет преподает в Академии KS.

– Да уж, навыки работы с молодежью, – усмехнулась Женя, – у него налицо.

Профессор

Голубые искорки, отражаясь в молочно-белых гранях купола, достигали основания гигантского зала и, казалось, заполняли все пространство небесной пылью. Серебристо-синий шар, парящий под куполом, снизу казался размерами с футбольный мяч. Запрокинув голову вверх, Дмитрий заворуженно наблюдал за игрой голубого дождя из света. Шар, видимо, являлся источником музыки, неизменно заполнявшей все вокруг.

– Это главный хранитель информации, – пояснил Ингвальд о шаре. – Все книги, собранные в этом зале, в виде сгустков энергии сосредоточены в нем.

– То есть это гигантский сервер? Явно продвинутая модель – и не шумит, – зачем-то грустно пошутил Дима.

Недавно виденный сон оживал в его памяти и со скрупулезной точностью материализовался. Гигантский зал – аквариум, галечный «черноморский» пол, бесконечные стены книжных полок, на которых располагались фолианты в одинаковых шоколадно-коричневых обложках. Теперь ему была понятна расшифровка аббревиатуры на «библиотечных штампах». АКС – Академия Космических странников. Во сне он только не заметил голубого шара под куполом.

– Ну, пока, еще увидимся. А тебе сейчас сюда, – Ингвальд подтолкнул Дмитрия к стене, из которой немедленно выдвинулась лестница.

Юноша не успел опомниться, как оказался на одном из «верхних этажей» книгохранилища. Книга его «тезки» Дмитрия Сергеевича Николаева вновь была в его руках. Может, перелистнуть страницы и узнать, что же такого особенного он напишет лет через 20, и тогда станет, наконец, ясно, чего все ждут от него?

Разговор с Профессором – Незнакомцем начался так же, как это происходило во сне. Быстро спустившись на своей лестнице как на эскалаторе, Профессор, все же больше похожий на Незнакомца, такого же молодого, обаятельного и ироничного, обратился к Дмитрию:

– Ах, это вы, Дмитрий Сергеевич! В первый день и уже посещаете наше хранилище мудрости! А вот эту книгу вам еще рано читать. Пробуждение было не слишком неприятным? – заботливо поинтересовался Незнакомец, между прочим.

– Как видите, Дмитрий Сергеевич, и наш мир тоже полон чудес, – он почти торжествовал. – Как говорил один из ваших классиков: «рукописи не горят». Но и не только...*

Заложив одну руку за спину, другой небрежно опираясь на перекладину своей лестницы, Профессор возвышался над книжными полками как полководец над своими солдатами.

– Мои файлы были изъяты, кем? – не меньшее удивление у Дмитрия вызывала способность Незнакомца стоять на самом краю лестницы и чувствовать себя столь легко и естественно.

Сам же он судорожно вцепился в свое «транспортное средство» и старался не смотреть вниз.

– Ах, милейший Дмитрий Сергеевич, понятно кем – Брайаном, с которым вы уже встречались, и иже с ним.

– В моих файлах не было ничего особенного. Ничего такого...

– Ну, это как сказать, – Незнакомец обернулся и заулыбался миловидной высокой блондинке, поднимавшейся мимо них вверх. – Хелло, Андгрэм, чудесно выглядите.

Андгрём при этом раскраснелась от удовольствия и слегка притормозила движение своей лестницы. Дмитрия, которого девушка решительно не замечала, поразило, с каким волнением она обратилась к Незнакомцу.

– Профессор, как мои дела? Вы уже читали?

– Да, да. Уже лучше, – назидательно закивал головой ее учитель.

– Правда? – Андгрём вновь просияла, – знаете, ведь чтобы войти в тему, прочувствовать прозу Льва Толстого, я напросилась в выход в мир Земли, век XIX. А когда я смогу увидеть вашу рецензию на мою работу?

– Завтра утром, на Факультете. До конца первой пары я абсолютно свободен и буду в полном вашем распоряжении. – Незнамец расплылся в своей неизменно обаятельной улыбке, провожая ее взглядом.

Дмитрию показалось, что еще секунда, Незнамец, как заправский дамский угодник, поцелует ей руку. «Типичный препод средних лет, не пропустит ни одной симпатичной студентки», – заключил про себя юноша.

Профессор усмехнулся, и словно бы в ответ на его мысли.

– Вот ведь казус. Внешность этой девушки обманчива. Она не гуманоид. И ей очень сложно прочувствовать прозу вашего соотечественника Толстого. Особенно трудно ей дается понимание судьбы Анны Карениной – что значит «несчастливая любовь» и «броситься под поезд»? Признаться в первом варианте ее сочинения – исследования меня до крайности утомили рассуждения об отсталости земных средств передвижения. Боюсь, и выход в ваш мир ей не поможет.

– А вы хорошо знаете русскую литературу?

– Не всю, только гениальную.

Незнамец привел в действие какой-то механизма, книжные полки в непосредственной близости от них раздвинулись, обнаружив круглый люк – дверь.

– Прервемся на коктейль.

В стеклянной комнате за стойкой дымчатого цвета они пили из высоких бокалов дымящуюся оранжевую жидкость, состав и приятный вкус которой Дима никак не мог для себя определить и идентифицировать. Сквозь прозрачный пол проглядывались очертания другого книгохранилища. Библиотечный бар был пуст, настенные сосуды кубической формы, в которых и готовился «фирменный коктейль» источали клубы желтого пара. Гомон читателей, шум библиотечных лестниц приглушенно звучал где-то далеко. Здесь же все дышало уединением.

– Что теперь со мной будет? И где Женя? – явственно ощущая ком в горле, задавал свои вопросы Дима.

– Женя в безопасности. Ее здесь нет, к сожалению. И не может быть. Она не избрана. Но не беспокойся, с ней все будет хорошо. А тебе временно придется жить в Академии, в качестве вольнослушателя, например. Присмотрись. Может быть, решишь сдать вступительные экзамены и останешься надолго.

– Нет, – решительно покачал головой Дима и отвел глаза в сторону.

– Н-да, затеряться между мирами, утратив единственный родной – это должен быть осознанный выбор. – Незнамец отставил в сторону пустой бокал.

Их беседа тет-а-тет, глаза в глаза приобретала все более откровенный характер.

– Знаешь, ты мне напомнил меня самого, мой первый день в Академии, – взгляд собеседника Дмитрия туманился грустью.

– Мне тоже было семнадцать. Меня все здесь поразило – эта музыка, представители чуждых цивилизаций шокировали, тогда еще иллюзорные барьеры не применялись, и каждый представа в своем подлинном облики. Я сразу выбрал специализацию, и здесь в соседнем зале прочитал свою первую книгу из сокровищницы вселенской художественной литературы. Представь, в этом зале нет ни одной книги из моего родного мира. Ни одной гениальной книги

за многовековую историю! Решение остаться здесь навсегда пришло почти в первый день, впрочем, у меня не было иного выбора. Я прочитал весь этот зал. Эти книги заменили мне все... Впоследствии выбрал преподавательскую карьеру. Недоброжелатели говорят, что книги мне заменяют просторы Вселенной, а выходы в ее миры меня пугают. Действительно, Обитель я покидаю только в экстраординарных случаях. Последним случаем был ты. Но они заблуждаются. Как и другие странники, я познаю миры. Но только по их литературному наследию, если таковое имеется, конечно.

Дмитрий гадал, сколько же лет Незнакомцу. Сейчас перед ним сидел молодой мужчина лет тридцати пяти, при первой встрече им с Женькой он показался восьмидесятилетним стариком. В парке хулиганов строил двадцатипятилетний парень.

– А ваш мир, родной, как часто вы его посещаете?

– Не посещал и не буду. Никогда. – Изменившимся голосом после долгой паузы ответил Незнакомец. Руки нервно сжимали новый бокал с коктейлем. – Не хочу, ...не могу. Я один из немногих..., выживших. Мой мир мертв. Погиб. Много лет назад. Ничего не осталось. Я выжил только потому, что был избран Космическими странниками. А моя семья, все, кто были близки... Одна из самых развитых техногенных цивилизаций Вселенной бесследно канула в лету. Заложница технического прогресса. Произошло нечто вроде в вашем понимании атомной войны. Жизнь ни в каком виде восстановлению не подлежит. И теперь мой мир – это руины, которые скоро обратятся в космическую пыль.

Коктейль остыл. Незнакомец замолчал. Взгляд его, устремленный куда-то вдаль был непонимаем. Дмитрий понял, что сейчас он очень далек от библиотечного бара, от него самого и любимых книг. Он снова вернулся в свой покинутый мир и бродил его закоулками как неприкаянный.

Город: чужой и мертвый

Почувствовав под ногами твердую опору, Женя вздохнула облегченно. Болтать в воздухе ногами, уткнувшись носом в мягкую, обтянутую синим комбинезоном грудь гигантской леди – личного воина Страйга, – не слишком приятное занятие. Словно ребенка Марта, так звали спутницу Космического странника, бережно опустила девушку на землю. Страйг настороженно осматривался вокруг. Они находились в лесу, обыкновенном земном лесу. Оказаться здесь всего через несколько секунд после пребывания в отсеке орбитальной станции Луны было почти противоестественным.

– Где мы? – все же спросила Женя.

– Мир Земли. Вариант 13-й. Известный тебе Город. – По утоптанной тропинке Страйг уже уверенно двигался в направлении просвета в ряду березок и сосенок, увлекая за собой своих спутниц.

– Вариант 13? Что это значит? – Женька едва поспевала за Страйгом.

Молчаливая великанша с необычайно плавной походкой уже маячила впереди.

– Это значит 13-й вариант. – Страйг подал девушке руку, помогая перепрыгнуть через очередную кочку.

Вскоре уже были слышны городские звуки, визг шин, явственно обозначились контуры домов – хрущевок, которых было немало на окраинах Женькиного родного Города.

Через несколько минут они вышли из перелеска и очутились на обочине шоссе. Дороги, на другой стороне которой тянулась до боли знакомая городская улица. У Жени перехватило дыхание. Здесь всего пять минут ходу до ее дома. Он прятался за красно-кирпичной новостройкой. Чуть левее, склонив усики проводов набок, припарковалось три бело-синих троллейбуса. Девушка удивилась охватившему ее волнению. Никогда бы не подумала, что эти транспортные тихоходы способны пробудить ностальгические чувства.

Совершенно дико на фоне окружающего ландшафта смотрелась Марта. Застывшее и, казалось, равнодушное ко всему окружающему лицо манекенщицы, иссиня-черные волосы, прямыми прядями ниспадавшие до плеч, изящные, несмотря на размер, руки с лиловыми ногтями. Искоса поглядывая на фигуру, возглавлявшую их процессию, Женя гадала, как на нее отреагируют прохожие.

– Кстати, не удивляйся, мы невидимы. Шокировать аборигенов – не в моих правилах. – Страйг угадал ее мысли и явно не в первый раз.

– Куда мы идем? – спросила Женя, обернувшись в сторону своего родного микрорайона, скрывшегося за поворотом.

– Вперед, – как всегда «предельно точно» ответил Страйг. – Однако здесь жарко.

Они шли в молчании еще минуты три, пока Женя не остановилась как вкопанная.

– А? Что это?

Через дорогу напротив у небольшого сосняка, где раньше в пейзаж так гармонично вписывался маленький белоснежный православный храм с зеленой черепичной крышей и двумя золотыми куполами, теперь располагалось приземистое одноэтажное здание блекло-серого цвета, переливающееся по периметру огоньками розовых лампочек. Крикливо светящаяся реклама утверждала, что сие заведение было ночным клубом «У Бори».

– Что-то не так? Не совпадает с твоим Городом? – остановился и Страйг.

– Ну, я же сказал: это вариант 13. Это не твой мир и не твой Город. Это его параллельный вариант, его производная, или наоборот.

Женя облегченно вздохнула. Бывает, значит, и такое.

– А что это? Ты можешь мне объяснить? – Теперь остановился Страйг и устремил свой взгляд на соседний девятиэтажный дом, торцом выходивший на проезжую часть улицы.

– Это жилой дом.

– Нет. Вот это что такое?

Странно было наблюдать, как такой воспитанный и сдержанный мужчина, каким ей казался Страйг, вопит во все горло. Наконец Женя догадалась, что его внимание привлёк огромный пятиэтажный рекламный щит, укрепленный на торце здания. «Мужская классика» – загорелый красавец в белой футболке и небрежно расстегнутых джинсах демонстрировал плавки с модным лейблом.

– Это реклама мужского нижнего белья. – Женя едва сдерживалась, чтоб не рассмеяться во весь голос.

– Что, реклама на четверть неба? На фоне первозданной природы? – Страйг снова вспыл, глаза горели гневом. – Это часть вашей убогой культуры и средство формирования усредненного сознания.

– Кстати, в моем мире на этом доме изображена вполне цивилизная тетенька. И не нужно воспринимать все так буквально. – Женя пожалала плечами.

Тоже мне, эстет нашелся. Интересно, что рекламируют в его мире – комбинезоны женщин-воинов?

Внезапно окружающий мир на миг погас, и через секунду троица оказалась в другой части Города, через десять троллейбусных остановок от Женькиной окраины.

– Пешие прогулки меня утомляют, – ответил Страйг на Женькин немой вопрос, – вот мы и у цели.

Девушка без труда узнала шумный перекресток улиц Пушкинской и Революционеров. Здесь былолюдно. Летний жаркий полдень привлёк в центр Города разодетую, празднощатающуюся молодежь. Многочисленные бутики, располагавшиеся на первых этажах зданий постройки 50-х годов прошлого века, какими была богата Пушкинская улица, привлекали сюда много посетителей.

Женя окинула знакомый перекресток удивленным взглядом. Что это? Всем известный магазин «Школьный базар» был каким-то другим. Исчезли рекламные щиты с мишками и зайчиками, детскими рисунками. Строгие геометрические фигуры обрамляли фасад здания. «Компьютерный салон KELMI» – прочитала Женя. Ну, и метаморфозы. Левее располагалось знакомое девушке помпезное здание Национального банка. Напротив здания Национальной библиотеки, решительно выкинув правую руку вперед, взывал, видимо, к совести горожан каменный Вождь и Учитель.

Картинно сложив руки на груди, высоко вскинув подбородок и уподобившись некой скульптуре, Страйг сосредоточенно вглядывался в проходящих мимо и не замечающих его людей. Марта, застывшая рядом, как всегда была безмерно далека от окружающего мира.

– Спешат и не знают, какой сегодня день, – грустно усмехнулся Страйг.

– А какой сегодня день? – Поинтересовалась девушка.

– День начала конца. Сегодня на одном из городских кладбищ похоронили молодого человека по имени Дмитрий Николаев. Накануне в Городском парке, недалеко от пляжа хулиганы перерезали ему горло, – спокойно ответил Страйг.

– Что? – Женю забило мелкой дрожью. – Не может быть... Все же закончилось благополучно.

– В вашем мире – да, при участии Профессора. В этом мире мы не успели вмешаться. И уже ничего нельзя изменить.

– А что случилось со мной?

– С тобой – ничего. Тебя в этом мире вообще нет. Ты здесь не существуешь, не запланирована. Марта, нам снова пора. Вперед во времени.

Женька вновь оказалась неуклюжей игрушкой в руках гигантской леди. Тьма сокрыла все окружающее.

Странно, когда через несколько секунд девушка ощутила землю под ногами, тьма не отступила. Женя обнаружила себя и своих спутников в странных одеяниях. Над каждым возвышался купол из прозрачного плотного материала, отдаленно напоминающего целлофан. Скафандр (догадалась Женя) достигал земли и полностью изолировал своего владельца от внешнего мира.

«Где мы?» – подумала Женя. И тут же в ее голове зазвучал голос Страйга:

– «Там же. 200 лет спустя».

Глаза постепенно привыкали к темноте. Где-то на востоке ощущалось непонятное сиреневатое свечение. На фоне смутных расплывающихся нитей этого неверного света постепенно проступали очертания окружающего мира. Кучи гравия под ногами, вероятно, когда-то были основой мощеной дороги, по обеим сторонам которой угадывались остовы зданий. Развалины казались странно однотипными. Битые обломки, разнообразный мусор окружали стены, ровно обрубленные на уровне первого этажа. Черные провалы окон демонстрировали обрушившиеся перекрытия верхних этажей и полное запустение. Загоревшийся над скафандром Марты желтый фонарик осветил груды металла, в расплывшихся контурах которой с трудом можно было узнать нечто вроде автобуса, чуть поодаль к земле привалился почти целый автомобиль. Присмотревшись, Женя обнаружила, что машина выглядит более чем необычно. Размерами она, пожалуй, в два раза превосходила обыкновенный автомобиль. Дверцы салона плавно преобразовались в миниатюрные крылья. Рядом с машиной валялись шасси, явно выломившиеся из-под ее днища. Но и это непонятное «чудо техники» было покинуто и абсолютно мертво, так же как и все вокруг. Поражало отсутствие останков какой-либо растительности – ни травы, ни деревьев.

– Да, где же мы? – повторила свой вопрос Женька.

– Там же. 200 лет спустя. – Ответ Страйга был неизменен. – Это тот же самый перекресток в центре Города. Правда, в прошедшие десятилетия его значительно перестроили. Памятник вашему Вождю и Учителю снесли почти сто девяносто лет назад, бутики поменяли названия и местоположение, хотя смысл остался прежним. Претерпел революцию общественный транспорт. А вот великий концерн «KELMI» сохранил свой магазин на прежнем престижном месте, разве ты его не узнаешь? – Страйг указал на руины напротив. – Правда, в последние сто лет фирма торговала в основном запчастями к аэромобилям и их бортовыми компьютерами и носила какое-то другое название. Наследники перессорились и что-то там не поделили. Ну, и, конечно, удержал свои позиции Национальный банк. Вот он. А зданию библиотеки не повезло, его снесли сто двадцать лет назад, и возвели на этом месте очередную махину какого-то финансового учреждения, я не совсем понял его назначение.

– А люди? Где же люди? Что случилось с людьми? – почти кричала Женя, прерывая неспешный бесстрастный рассказ Страйга.

– Люди? Какие люди? – искренне удивился тот. – За изоляционным слоем твоего скафандра температура окружающей среды составляет -90 градусов по Цельсию. Жизнь здесь погибла, как и на всей планете, еще десять лет назад.

– Но почему? Что произошло? Атомная война? Солнце погасло? – Женя ощутила соленый вкус слез на своих щеках.

– Что тебя интересует – истинные причины или следствия, слепой случай или...? – Страйг вдруг отбросил свое хладнокровие и его голос дрогнул. – Нет, это не атомная война. Двести лет назад, 26 июня 2007 года, погиб гений, который должен был способствовать преобразованию этого мира. А через сто лет пилот межпланетного корабля-разведчика счел эту цивилизацию убогой и ограниченной, погрязшей в погоне за материальными ценностями и плотскими удовольствиями, категория «С» по межгалактическому каталогу. А еще через шестьдесят лет...

Рассказ Страйга прервался. Марта, бродившая поодаль, обнаружила на месте, где когда-то находилась библиотека, огромный сферообразный объект, желтый свет фонарика выхватил из тьмы листы металлической поверхности, в нескольких местах рваной, сплюсненной и продырявленной.

– Летающая тарелка? – предположила Женя.

– Довольно. Я вполне насладился этим жалким зрелищем. Думаю, и ты тоже.

Гигантская леди, бесстрастная и невозмутимая, немедленно оказалась рядом. Тьма вновь поглотила их, скрыв тьму мертвого Города.

Грезы о Городе или путь

который не выбирают

– «...В Городе жили более миллиона человек. Его красота признавалась всеми. В сероватой дымке пролива путника встречало мерцающее море розового кирпича с волнистым горизонтом из множества куполов. Городские храмы, дворцы и сады, прекрасные сами по себе, были полны лучших образцов классической скульптуры. Мраморные стены переливались радужными мозаиками. Несмотря на нищету и бесправие, уживавшиеся рядом с богатством и великолепием, этот Город на границе Востока и Запада долгие века служил маяком цивилизации...» – Ингвальд медленно закрыл глаза, явно погружаясь в мир прочитанного, шоколадно-коричневый объемистый том выпал из его рук и с треском ударился оземь.

Сидя на полу у бело-голубой стены в их комнате и сжимая ладонями голову, Ингвальд напоминал блаженного.

«Студенческое общежитие» «академиков» было более чем необычным. Никакого шума и никакого соседства. Дмитрию с Ингвальдом отводилось в полное и единоличное пользование целое здание непонятной формы. Вообще, отсутствие людей или, вернее, других разумных существ, пустыньность и уединение, как заметил Дмитрий, были задуманы в качестве отличительных характеристик мира KS или его части – Академии.

На первом этаже располагалось нечто вроде маленького Дендрария, зимнего сада, поразившего Дмитрия удивительными образцами растительности. На втором этаже он обнаружил искусственный водоем, наполненный светло голубой жидкостью, источавшей приятные ароматы и странно охлаждавшей и освежавшей кожу. На третьем – «жилом» этаже находились всего лишь две комнаты, в одной из которых они с Ингвальдом и обретались все свободное время.

– Завтра, в крайнем случае, через несколько дней, все решится. Я уже знаю все наизусть. Конкурс выдержать вполне реально. Я его вижу во сне почти каждую ночь, – продолжал Ингвальд.

Диму поразил полубезумный блеск его глаз.

– Кого ты видишь? – Дима расположился у окна, сквозь которое в комнату проникал мягкий и, казалось, закатный, приглушенный тонкой перегородкой свет.

– Город, – просто ответил Ингвальд. Закинув руки за голову и вытянувшись во весь рост на мягкой пульсирующей поверхности пола, он устремил свой мечтательный взгляд в куполообразный потолок.

– О котором сейчас читал? – спросил Дима и поднял с пола книгу.

– Я о нем не читал, я о нем бредил. Брежу уже второй курс.

– «Секреты исчезнувших цивилизаций», – прочитал Дима, листая том.

– Если я реально пройду конкурс, то стану участником выхода.

– «Выхода»?

– Готовится массовый выход в этот Город. Массовый... то есть выход группы. Это редкость, обычно KS работают в одиночку. Ну, конечно, в компании своих дам-воительниц.

– Перекресток древнего мира... Святой город в бесплодной пустыне... Мир золота и крови... – Дмитрий углубился в книгу.

– Студенту-третьекурснику собственная дама-воин не полагается – стало быть, выбирать не приходится. – Ингвальд продолжал пребывать в своих грезах.

– Что-то знакомое... – Обратился к нему Дима, оторвавшись от чтения.

– Не удивительно, – ответил тот. – Твой собственный мир значится в каталоге по нескольким позициям.

– Эта книга – каталог, – наткнувшись на озадаченный взгляд землянина, продолжал Ингвальд, – каталог миров, цивилизаций, до конца не исследованных и непознанных с целью приобщения всего уникального и ценного, рожденного в них, к вселенской сокровищнице знаний.

– Например, посредством внесения информации в голубой шар Академической библиотеки?

– Ну, это частность. Библиотека – всего лишь один из многих центров хранения информации сообщества KS. Ты видел самую малую ее часть. Библиотека, кстати, создавалась, несколько тысячелетий.

Оконная перегородка мягкого сияющего желтого цвета легко взлетела вверх, и в комнату к юношам ворвался свежий ветер. Дмитрий вздрогнул от неожиданности: он ощутил прикосновение к коже легкого морского бриза и, казалось, услышал крики чаек.

– Что это?

За окном их взорам предстала огромная морская долина, по линии горизонта соприкасающаяся с голубой бездной неба. Желтая прибрежная полоска песка, перемежаясь небольшими барханами, была пустынна и целомудренно чиста. Морская гладь будоражилась белыми пузырьчатыми гребешками легких волн. У кромки побережья прозрачная вода выставляла на обозрение чистую песочную поверхность. Метрах в ста от берега чернота морской глади свидетельствовала о нешуточной глубине. В бездонной поверхности моря оживали яркими веселыми зайчиками солнечные лучи (солнечные?!).

Где он все это уже видел? Если зажмуриться, можно вновь ощутить тепло и пережить счастливую радость того утра на море. Лето, июль, каникулы. Тогда, в свои неполные одиннадцать лет он впервые отдыхал на черноморском побережье. Ежедневно сбегая от родителей, часами бродил по берегу и, наконец, нашел почти целинный, неизвестный дикому и суетному пляжному сообществу кусочек моря, который в ранние утренние часы, когда большинство санаторных жителей, в том числе и мама с папой, мирно предавались сну, а в столовой только начинали накрывать столы к завтраку, принадлежал единолично ему одному. Здесь он был царь и бог. Нырять, выудил массу больших замшелых раковин, которые потом на рынке менял на диковинные ракушки, отрабатывал движения стиля брасс и просто лежал на прибрежном песочке, подставляя тело солнечным лучам.

В то утро все было точно также. Песочный берег пустынен, морская гладь слегка рябилась от небольших волн, солнце нежно ласкало кожу, а легкий ветерок трепал волосы и одежду. Зажмурив глаза, он неосознанно, почти физически чувствовал необыкновенное счастье, счастье, которое можно переживать только в детстве, раннем подростковом возрасте, когда исполнилась давняя мечта оказаться на море, и каждый вечер засыпаешь в ожидании нового счастливого дня, ведь каждый день обещает новые открытия, и уже достает остроты ума и развитости чувств, чтобы осознать себя частью этого моря, песка, неба и солнца. И все же в то утро ему не давал покоя вчерашний разговор с отцом. Он думал о том, что скоро у него родится брат или сестра. Пытался понять, что изменится с рождением этого маленького человечка? Пытался представить, как он с этим маленьким человечком однажды летом вновь поедет на море и как когда-то будет учить его нырять. И до чего же странно, что теперь кто-то еще, не только он, будет называть мамой его маму, а папой его отца.

– ...Глубоководная бухта служила отличной гаванью, и постепенно город стал эпицентром пересечения торговых путей. На горизонте возник силуэт судна... Да, военного судна, несущего с каждого борта по пять ярусов весел.

– Что это? – переспросил Дима, открыв глаза и обнаружив произошедшее изменение морского ландшафта.

– Военные суда стремились в удобную гавань Города. Горожане были знаменитыми мореходами. Позднейший текст рассказывал о некоем жителе Города – купце, который после мно-

гомесячного плавания достиг на своем корабле... – продолжал грезить наяву Ингвальд, завороченно вглядываясь в раскинувшуюся за окном морскую даль.

– Что это? – не понимал его собеседник.

– Иллюзия, всего лишь иллюзия, конечно, – Ингвальд, наконец, очнулся от своих мыслей, резко закрыл оконную створку, морское очарование мгновенно испарилось, как будто его и не было. – Только каждый воспринимает ее по-своему. Ты, например, что видел за окном?

– Иллюзия?

– Ее материализовала эта книга, – Ингвальд взял в руки шоколадный том и, отвечая на все еще недоуменный взгляд Димы, продолжил. – Каталог миров – это все-таки учебное пособие для слушателей Академии. А пособие должно быть наглядным.

– Ну и ну, – уже привычно удивился Дмитрий. – Этот Город чем-то напоминает твой мир?

– Вовсе нет. Он неестественен для меня, моего мироощущения. Знаешь, что нас с тобой сейчас различает?

– Что же?

– В этой иллюзии ты увидел нечто близкое тебе, сопричастное твоему миру, наверное, что-то из своего прошлого.

– А ты?

– А я искал в этом иллюзорном мире неведомое, непознанное, доселе неизвестное. Я часто, каждые каникулы возвращаюсь в свой мир, тоскую о нем здесь. Но, знаешь, я ему уже не принадлежу. Еще несколько курсов Академии и я пополню ряды бесстрашной и не ведающей преград армии KS. И этот Город станет первой ступенью...

В комнате повисла тишина. Дмитрий подумал, что его сосед неисправимый романтик. А это не так уж плохо – иметь в друзьях неисправимых романтиков. В своем мире таких он почти не встречал.

– У нас это называют призванием. Это космическое странничество – твое призвание? – Задав вопрос, Дмитрий с неподдельным интересом рассматривал собеседника.

– Призвание? Это судьба. То, что я должен стать KS, стало известно сразу после моего рождения. Это была большая честь. – Ингвальд почти грустно усмехнулся своим воспоминаниям. – На первый курс Академии меня провожали, как у вас...

– ...космонавта в первый космический полет? И встречали как героя? – догадался Дима.

– Почти. Наша цивилизация, как одна из высокоразвитых и гуманистических, посвящена в миссию KS. Их визиты в наш мир не сокрыты тайной... Я для своих сородичей уникален, потому что избран KS. Но...

– Что но?

– Меня никто не спрашивал, хочу ли я этого пути? Говорили, что мое рождение принесло радость в наш мир, появление KS у нас большое событие. Но...

– Но тебе никто не дал право выбора?

– Да.

– И, наверное, ты что-то потерял. У нас это называется «простым человеческим счастьем». Ну, например, твоя девушка вряд ли дождется тебя?

– Как ты догадался? – усмехнулся Ингвальд. Подперев ладонями голову, он сосредоточенно внимал собеседнику. – Меня ждет встреча с другой девушкой – гигантской холодной леди, которую и женщиной-то признать трудно.

– Всю жизнь ты будешь исследовать чужие миры, не познав окончательно один – свой родной? Ведь так?

Ингвальд, погруженный в свои мысли, ничего не ответил.

Подойдя к окну, за которым совсем недавно скрывалось море, Дмитрий обернулся к Ингвальду.

– Знаешь, какой самый трогательный, самый поразительный момент в повествовании Евангелия? Ты ведь читал земное Евангелие, все его варианты?

– Евангелие? – Ингвальд как-то странно заволновался, насторожился и с крайним удивлением посмотрел на Дмитрия. – Читал... Конечно... Давно, на первом курсе.

– Так вот. Это когда Иисус молит отца своего, чтобы, если это возможно, минула его чаша сия.

Чем опасны прогулки

по лунной поверхности

Черные ломаные линии, размытые контуры орбитального отсека, неясный свет, граничащий с полной темнотой, создавали атмосферу безнадежности и полного одиночества. Женя силилась вспомнить, когда последний раз ее посещали подобные чувства, и не могла. Удобно устроившись на выступе кубической формы и обхватив руками колени, девушка слушала как откуда-то с высоты, с потолка, отбивая ритмичный такт, казалось, капала вода. Она была здесь чужой, невольной гостьей давно покинутого хозяевами дома. Сколько прошло времени после их выхода со Страйгом в мир Земли (вариант 13) – день или неделя? Она уже не помнила. На душе было пусто и очень хотелось плакать.

Ей вдруг вспомнилась почти такая же ночь, несколько лет назад. На границе территории летнего лагеря в затерянной беседке, куда она сбежала от девчонок, не дождавшись отбоя, все виделось таким же беспросветным. Так же слезы текли по щекам, и, кажется, шел дождь. Что с ней случилось в то холодное и дождливое лето? Впервые в летнем лагере, – наверное, хотелось домой? Мама говорила, что нужно «выходить в народ» и «учиться адаптироваться в любом коллективе». У Женьки это получилось не очень. Наверное, она просидела бы в продуваемой всеми ветрами беседке всю ночь, до подъема, если бы не явился Фролов. Они были едва знакомы, учились в одном лицее, а в лагере оказались в одном отряде. Как он узнал о ссоре в девчоночьей спальне?

Какой он в то лето был лихой – смелый (по собственной инициативе ходил к начальнику лагеря выяснять причины плохой, на их взгляд, работы столовой и объявления выговора их вожатой Юле), спортивный (заплывал за буйки и на спор дольше всех просидел под водой) и, вообще, самый – самый... С того лета они дружили. Женя только сейчас поняла, как он изменился за эти годы... И от этого стало еще грустнее.

– Вот ты где, – Страйг возник словно ниоткуда.

Удивительно, как мужчина его роста и комплекции может двигаться с грацией бесшумной кошки?

– Ты неважно себя чувствуешь?

Женя обернулась на вопрос.

– Мне, представь, душно здесь. Стены давят на психику. Слабо устроить прогулку по лунной поверхности? Настоящий джентльмен должен с готовностью исполнять любые пожелания дамы.

– Ну, и запросы у вас, девушка, – Страйг, пораженный до глубины души такой наглостью, развел в удивлении руками.

За время, проведенное в лабиринте заброшенных и местами полуразрушенных орбитальных отсеков этой странной планеты, между ними установились легкие и почти дружеские отношения. Несмотря на неординарность ситуации, Женька не забывала периодически испытывать на Страннике и по совместительству интересном мужчине средних лет свое нешуточное девичье обаяние. Пару раз в голову ей приходила мысль типа: «Неплохо бы с таким спутником прогуляться по Пушкинской». Но через минуту от мыслей о Пушкинской хотелось плакать, вспоминалась мама, Динка и даже Фролов. Она чувствовала себя маленькой потерявшейся первоклассницей. И еще ее постоянно мучил вопрос: где Дима и что с ним? Рассказы Страйга пугали своей фантастичностью, и очень хотелось верить, что мир Земли-13 – всего лишь дурной сон.

Страйг вздохнул, роль «наставника юной девушки» давалась ему нелегко. Он смотрел на нее почти с отеческим умилением. С каждым днем эта милая девушка нравилась ему все

больше и больше. Гордая, умная, красивая... И все же какая удача, какое чудесное совпадение! Такое возможно в одном случае из миллиона.

Странный все-таки этот мир Земли – вариант 7. Он был там всего один раз, когда учился на четвертом курсе Академии. Рядовой выход в группе однокурсников. Смутно помнится их маршрут: Париж – Тулуза – Бордо – Лион, еще какие-то городские поселения. Начало XII века по местному летоисчислению. И еще более странно и необъяснимо то, что Евгения в этом мире живет совершенно в другом временном срезе, к Франции не имеет ни малейшего отношения, принадлежит к какой-то другой национальной группе. Этот мир, пожалуй, слишком многолик. А Профессор был прав, когда на последнем заседании Совета говорил, что цивилизация «Земля – 7» почти не изучена. Его тогда никто не поддержал, а зря.

Почти зачарованно вглядываясь в васильковые глаза белокурой красавицы, Страйг пытался понять, чего можно ожидать от этой девочки? Неужели его безумным мечтам (безумным, безумным, коллеги по «цеху» иначе как дикой авантюрой их не назовут), его идеям, рожденным почти год назад в минуты отчаяния, суждено сбыться?

– Ну, я жду. Мне скучно, – продолжала капризничать Женька.

Доводить своими капризами взрослого мужчину – большое удовольствие, особенно, когда сильно хочется плакать.

– ...В черном бархате окружающего космоса звезды своим мягким светом воодушевляют одинокого путника. Но, увы, унылая лунная пустыня не подарит ему щедрого оазиса и встречи с другим живым существом. За тысячи лет своего существования земной спутник, а в действительности, корабль в результате многочисленных столкновений с «небесными пришельцами» из космоса приобрел вместо шрамов колоссальные отметины в виде гигантских кратеров, тонны разнообразного по составу, но вполне естественного грунта, что, кстати, превращает его в натуральную планету, но разумными обитателями так и не обзавелся. Создатели Луны покинули ее очень давно. Начинка корабля до конца никому неизвестна, как и его истинное предназначение.

В самом разгаре длинного лунного дня они брели по сухому и каменистому дну гигантского Озера Сновидений. Впрочем, брели, это, пожалуй, громко сказано. В прозрачных и переливающихся белыми бликами скафандрах овальной формы, напоминающих «яйцо», в котором Женя совершила первое в жизни космическое путешествие, удавалось слегка подпрыгивать, таким образом передвигаясь вперед. Странно, Женя не испытывала и сотой доли тех чувств, которые, вероятно, обуревали Нила Армстронга 20 июля 1969 года. Девушку не покидало ощущение абсолютной нереальности окружающего. Она бы не удивилась, если бы все это оказалось супердорогой декорацией.

Марта в видимом пространстве почему-то отсутствовала, и Страйг адресовал свою лекцию в режиме обмена мыслями единственной слушательнице.

– А вот это известная тебе «голубая планета», третья от Солнца. Кстати, если хочешь знать, в нескольких вариантах твоего мира, в котором мы продолжаем находиться, небесное тело под названием Луна, вообще, отсутствует, Впрочем, как и разумная жизнь, а в двух вариантах она является объектом натурального происхождения.

– А можете ли вы сказать, когда землянам покорится космическое пространство, и станут доступны контакты с инопланетянами? – неожиданно спросила Женя.

– Зачем? Вы в своем мире друг с другом договориться не в состоянии, представители иного этноса, другой религии и культуры для вас загадка. Как же вы собираетесь понять представителей иных миров? Земля – 7 не готова к таким контактам.

– А когда мои сопланетники оккупируют старушку Луну? – вновь поинтересовалась Женя.

– Вам не хватает пространства, чтобы поделить его на сферы влияния? А потом перессориться по этому поводу? Развоеваться, наконец? Вы свою планету освоили процентов на сорок. Мировой океан, Антарктида, к примеру, еще ждут вашего «хозяйского участия». Вам еще не до Луны.

– Не любите вы Землю.

– Оцениваю по достоинству.

– А сколько всего вариантов моего мира существует во Вселенной? – продолжала демонстрировать свою любознательность Женя.

– Не менее двенадцати, как ты можешь догадаться, – уже привычно уклонился от прямого ответа Страйг.

– Значит, сообщество Космических странников исследует миры Вселенной, придерживаясь гипотезы, что двигателем прогрессивного развития являются их великие представители – гении? Вы склонны преувеличивать роль личности в истории?

– Хм, а ты способна оспорить наши постулаты, кстати, понятые тобой слишком прямолинейно?

– А не расскажет ли «любезный преподаватель» «усердной ученице» подробнее о своих методах?

– Ну, что ж, окружающий ландшафт, пожалуй, располагает к ученой беседе. Видишь, ли, Евгения, настоящий талант, умение подняться выше повседневной реальности, над временем и местом, увидеть истинное содержание вещей и событий, пророческое предвидение – всегда уникальны, феноменальны и не могут быть массовым явлением.

– Гении на вес золота. Берегите гениев! А масса, толпа – только неудачный фон, бракованный товар? Не так ли?

– Не утрируй. Массе и толпе, как ты это называешь, нужен предводитель...

– Который будет ею управлять, как кукловод марионетками?

– Не преувеличивай. Гении – хрупкая материя, в них как в капле воды отражаются все болезни мира, ибо они его дети, его продукт. Но гении же концентрируют в себе и все самое лучшее, ценное, что присуще породившей их цивилизации.

– Значит, Пушкин был прав, когда писал, что гений и злодейство – две вещи несовместные. И среди власть имущих гениев не бывает?

– Ты слишком категорична, но твой Пушкин (это, кстати, кто?) прав, злодейство в глобальном масштабе – фактор регресса, а гении – инструменты прогресса.

– Еще вопрос, что понимать под «злодейством» и «регрессом»?

– Не будем углубляться в дебри философии. Я повторюсь, гении – хрупкая материя, любая случайность может привести к их гибели, затормозить или прекратить процесс их самореализации. А все это опосредованно, а не прямо, как в случае с властью предержащими, рано или поздно негативно сказывается на ходе мирового процесса.

– Слишком много теории, приведите пример из вашей практики, «господин профессор», – «студентка» остановилась, прыжки на Луне – не самое приятное занятие.

– Хорошо, пример из практики, – Страйг тоже остановился. – Представь себе мир гуманоидов, похожий на твой, но находящийся на уровне развития где-то примерно средневековой эпохи. Гений родился в королевской семье, среди, как ты говоришь, власти предержащих. Впрочем, власти здесь не много, диктаторством не пахнет. Гений и его ближайшее окружение не осмыслили его предназначения, а гениальность всегда предназначена, требует конкретных действий и результатов. В скором времени гений должен погибнуть, не обязательно в прямом смысле, просто не реализовать свои потенциальные способности. Гибель гения – мировая катастрофа. Ты, ведь, увидела это на примере мира Земли-13. Есть только один шанс, чтобы нечто подобное не случилось и здесь. Но вот беда, в этом мире он уже утрачен.

– То есть гений уже погиб?

- Нет, он жив. Видишь ли, важен не только гений, но и его окружение.
- Погиб кто-то из его окружения?

Они стояли друг против друга и смотрели глаза – в глаза. Скафандр не скрывал грустной улыбки Страйга и его полной погруженности в мир, далекий лунному.

- Что это? – воскликнула Женя.

Иссиня черную поверхность небосвода над их головами стремительно прорезали два желтых, сходящихся к лунной поверхности луча. Яркие вспышки ослепили девушку. Безмолвие лунной поверхности было окончательно нарушено, очарование пустынного спутника, затерявшегося в тени голубой планеты, третьей от Солнца, померкло. С невиданной скоростью к поверхности Луны, населенной единственной парой живых существ, выбравшей для своих прогулок ненужное место и ненужный час, приближались два летательных аппарата странной конструкции. Женя не успела разобраться в своих впечатлениях, через секунду она также как Страйг оказалась прижата невидимым прессом к каменистой поверхности. Прежде чем окончательно потерять сознание, сквозь удушье и ощущения деформации скафандра, девушка уловила мысли своего спутника: «Не может быть! Кто им позволил? Марта! Ко мне!»

Совет

- В каком возрасте вы прочитали Евангелие?
- Лет в десять, кажется.
- Вы, следовательно, христианин?
- Ну... это, как сказать. Я вообще не слишком религиозен.
- Другие земные религии вам близки?
- Я читал кое-что. Меня это интересует скорее с философской точки зрения.
- И какие же философы вашего мира близки вам в мироощущениях?

Дмитрий нахмурился. Этот допрос ему порядком надоел. Тоже мне, устроили экзамен по обществознанию с пристрастием. Но вслух он покорно продолжал отвечать. Поделится впечатлениями о Платоне и прочих, даже Фрейда припомнил.

Реакция слушателей, усердно ему внимавших, была непонятна. То ли одобрение и согласие, то ли «двойка за четверть». То же мне, педсовет какой-то, а не Совет KS.

Накануне, когда Ингвальд ошарашил известием, что ему назначили встречу члены Совета KS, он представлял себе ее иначе.

Классический круглый зал с куполообразным потолком, бело-золотые тона обстановки, строгие и геометрически вычурные кресла членов Совета, расставленные полукругом, – все подчеркивало торжественность момента. Удивительно, но какие-либо столы отсутствовали. Члены Совета – мужчины и женщины, впрочем, в основном мужчины, разного возраста, но в большинстве – среднего. Дмитрий стоял в центре полукруга, ему кресло не полагалось и чувствовал себя абсолютно незащищенным, словно обнаженным перед этими незнакомыми и серьезными людьми. Даже присутствие Профессора (вот он пятый справа, рядом с Невидимым, уже знакомым читателям) не меняло ситуации. Дима поймал себя на мысли, что больше всего его поражало внимание к собственной персоне. Сосредоточенно и неторопливо разглядывая и, казалось, досконально изучая, представителя мира Земли – вариант 7, члены Совета хранили безмолвие.

Вопросы задавал сидящий в центре полукруга высокий мужчина с правильными красивыми чертами лица. Дмитрий отметил его ярко синие глаза, вполне европейский лоск внешности, не хватало только строгого делового костюма и галстука.

- А кем лично для вас является Иисус Христос? – продолжал свои вопросы Высокий.

Дмитрий был обескуражен очередным выпадом главы Совета. Он задумался и с достоинством ответил:

– Позвольте, мне не отвечать. Это сложный вопрос. Отношение к Христу – слишком личная тема.

– Ну, хорошо, – Высокий неожиданно улыбнулся, и Дима про себя отметил, что глава Совета ему явно симпатичен. – Довольно об этом. Вы пребываете в Академии уже несколько недель. Позвольте поинтересоваться вашими планами на будущее, молодой человек.

– Несмотря на все впечатления, они, пожалуй, не изменились. Я все еще хочу вернуться в свой родной мир... Конечно, когда это будет возможно. Сейчас же нахожу большое удовольствие в занятиях вольнослушателя.

– И какие предметы вызывают наибольший интерес?

– История цивилизаций, мировая художественная литература, ну, и философия, пожалуй. Если позволите, я бы хотел посещать лекции по физике Вселенной, мировой механике...

– Это невозможно, – резко прервал его Высокий.

Он встал, давая понять вольнослушателю, что аудиенция окончена.

Покидая зал и про себя облегченно вздыхая, Дмитрий думал, что подобного «экзамена» ему держать не приходилось, вот только не вполне ясно, какой же будет вердикт строгих судей?

Через некоторое время после его ухода в зале заседаний Совета события развивались следующим образом. От строгости и чинности не осталось и следа. Некогда безмолвные «советчики» высказывались бурно, резко, в несколько голосов одновременно. Некоторые почти кричали. Совет бурлил и кипел. Можно было только поразиться накалу эмоций и страстей.

– Это возмутительно! Как он посмел!

– Подобные выходки чреваты отлучением от сообщества KS!

– Вы совершенно правы, любезнейший. Я всегда говорил, что от него можно ждать всего, чего угодно.

– Коллеги, успокойтесь, – властно призвал всех Высокий. – Меня интересует ваше мнение по этому вопросу, – обратился он к Профессору.

Незнакомец встал и повернулся лицом к членам Совета:

– Достопочтимый глава! Уважаемые коллеги! Чтобы составить определенное мнение об этом странном и, вероятно, трагическом происшествии, нужно иметь исчерпывающую информацию, которой на данный момент мы с вами не располагаем. Доказательств наших худших подозрений нет.

– Но они исчезли и не поддаются идентификации в обозримом пространстве Вселенной, – выкрикнула пожилая дама со странными шрамами на руках.

– Это еще не подтверждение их вины, а очень тревожный фактор, – спокойно продолжал Незнакомец, – я уже высказывал свое мнение, каким образом можно прояснить ситуацию, используя метод равенства параллельных миров.

– И здесь вам понадобится участие этого земного мальчика? – обратился к Профессору глава Совета.

– Да, ведь девочка принадлежала тому же миру, что и Дмитрий.

– А не кажется ли вам, любезнейшие коллеги, что этот мальчишка слишком дерзок? – подал голос бывший Невидимый.

С разных сторон полукруга кресел раздались голоса.

– Юношеский максимализм в таком возрасте вполне оправдан.

– Обыкновенный вольнослушатель.

– А что вы ждете от представителя мира Земли-7?

– Он дерзок – не слишком, – повысил голос и Незнакомец, – какой же гений отличается смирением? Его дерзость – подтверждение того, что мы в нем не ошиблись.

– Ну, что ж, коллеги, решение принято, – стремительно подытожил Высокий, – и более обсуждению не подлежит.

Новая встреча

на Пушкинской

Августовский вечер еще дарил почти июльское тепло, но здесь наверху, на высоте пятиэтажного дома одолевал ветреной прохладой. С крыши здания постройки пятидесятих годов прошлого века Пушкинская улица была видна как на ладони. Дмитрий всматривался в ручейки празднично гулявших или спешивших по делам горожан, группу людей у светодиодного экрана на площади, напротив Городского театра оперы и балеты, суету рабочих, реконструирующих мостовую, засыпанную кучами песка, чуть левее – в вереницы общественного транспорта, разъезжавшего туда и сюда, чуть правее – в открывающуюся панораму улицы имени полузабытого деятеля позапрошлого века, и ему казалось, что он смотрит документальное кино о своем родном Городе, от которого его по-прежнему отделяют неизмеримые просторы Вселенной. Какие чувства владели Ингвальдом, стоявшим рядом и также пристально вглядывающимся вниз, было неизвестно.

«Странно, – подумал Дима, – а он вполне бы сошел за горожанина». Одежда «космического студента» – в стиле Диминых современников, взъерошенные волосы, руки в карманах джинсов, а взгляд скорее насмешливо-разочарованный.

– Ну, что, – прервал Дмитрий молчание, – мой Город не похож на Город, в который ты так и не смог «выйти»?

– Да, не похож, – нехотя покидая состояние глубокой задумчивости, откликнулся Ингвальд, – скорее я бы сказал, что это не мой период, мне бы переместиться во времени где-нибудь на полторы тысячи земных лет назад...

– Это ты хватил. Вряд ли в таком случае тебя бы здесь что-нибудь вообще заинтересовало. Что, мой мир очень отличается от твоего? – зачем-то поинтересовался Дима.

Ингвальд улыбнулся:

– Отличается...

Они стояли на металлической поверхности метрах в пяти от странного памятника ушедшей эпохи – витиеватой беседки с белыми колоннами, неизвестно зачем примостившейся на краю прямоугольной крыши здания. Силуэт беседки четко вырисовывался на темно-синем вечернем небосклоне. Именно в ней расположились их спутники – Незнакомец и бывший Невидимый. Последний в свойственной ему манере уже с привычным для его коллеги раздражением вопрошал:

– Ну, и что мы здесь делаем? Неужели, у нас в запасе такая бездна времени, что можно так бездарно тратить его в этом богом забытом мире? Или вы, Профессор, решили устроить для своего воспитанника свидание с родителями?

– Любезнейший друг, прошу вас, не горячитесь. Заверяю вас – время мы даром не тратим, – отвечал Незнакомец, мягко улыбаясь. Он стоял, опираясь на деревянные почерневшие от времени перила беседки. – Мы производим осмотр местности. Как сказали бы аборигены, осуществляем рекогносцировку.

– И что же вы выяснили, кроме того, что средства передвижения аборигенов наносят ущерб экологии их мира, архитектура их убогих строений не функциональна, а сами они – жители мира Земли – вариант 7 подвержены смешным и жалким болезням, а потому срок их физического существования ничтожно мал? Так что же вы узнали?

– Я узнал, что девочка в этот мир не возвращалась. А это очень важно.

Чуть в отдалении их молодые спутники тоже предавались сомнениям.

– Что значит этот неожиданный выход, и зачем им понадобилось мое участие? – спрашивал Ингвальда Дмитрий.

– Не знаю точно, но произошло нечто неординарное.

– Возможно ли, чтоб это было мое возвращение домой? – в глазах Димы загорелись огоньки надежды.

– А вот это точно нет. Я не все знаю, но... видишь ли... ты только не волнуйся... что-то произошло с твоей девушкой и KS, который работал с ней, он и его «гранд-дама» исчезли.

– Что? – Дмитрия забила мелкая дрожь.

– Понимаешь, так не бывает, на каком бы краю Вселенной не находился KS и его женщина-воин, они всегда способны выйти на связь, оставить какой-либо... скажем, след, который можно было бы идентифицировать. А на Луне не осталось ничего, что могло бы разъяснить...

– Вот она! – крик Незнакомца заставил вздрогнуть всех троих.

Профессор стремительно выбежал из беседки и почти достиг края площадки, на которой расположились Ингвальд с Дмитрием. Невидимый опрометью пустился бежать за ним с нелепыми выкриками: «Кто? Что?»

– Вот она, – повторил Незнамец, легко балансируя почти на краю перед скатом крыши и небрежно схватившись за места проржавевшее на ветру и дождях, кривобокое ограждение. – Да вот же она, смотрите!

Его спутники, сгрудившись рядом, тщетно старались разглядеть что-то или кого-то, на что указывал Незнамец.

– Вот она идет посреди тротуара, невидимая для горожан, впрочем, такая же невидимая, как и мы с вами.

С высоты пятого этажа городская улица, утопавшая в неброской зелени и редкой еще желтизне уходящего лета, музыке привычных звуков – шорохе шин многочисленных автомобилей, шуме останавливающихся напротив здания усатых троллейбусов, смехе и перекликах людей, расцвеченная огоньками бутиков и киосков, ничем особенным не отличалась. Не сразу, но Дмитрий увидел ту, что привлекла внимание Профессора. И это было поистине необыкновенное зрелище.

Она не шла, а словно плыла над улицей. Перехваченные серебристыми украшениями черные выющиеся локоны в беспорядке ниспадали до пояса, легко развеваясь под порывами летнего ветерка. Светло-золотистое длинное пышное платье скрывало туфли. Узкие кружевные рукава приоткрывали бледные нежные руки, в небрежном стиге поддерживающие подол платья. Девушке было, вероятно, лет шестнадцати – семнадцати. Печальный взгляд, устремленный куда-то вдаль, еще больше подчеркивал ее отстраненность от окружающих. Она не видела пролетающие мимо нее машины и прохожих, так же как и они ее. Девушка явно не принадлежала этому миру. Средневековый наряд и музыка, да, музыка, казалось, звучащая вокруг нее и заполнявшая все пространство рядом с нею, служили тому доказательством. Сказать, что девушка была красива, значило бы ничего не сказать. Она была прекрасна...

– А все-таки он безумен! – Вдруг радостно рассмеялся Незнамец.

– Кто? – первым вышел из состояния оцепенения Ингвальд.

– Что это за видение? Откуда в этом мире появилась эта девушка? Мы, что, видим фантом? – вновь занервничал Невидимый.

– Безумен Страйг, конечно же, – у Незнакомца явно резко улучшилось настроение. – Но, как сказал ваш классик, – обернулся он к Дмитрию, – как там его звали? Впрочем, не важно. Безумству храбрых поем мы песню. А ты, Дмитрий, ты узнал ее?

Часть 3. Королевство Иль-де-Франс⁴

Беспамятная девушка

Лучи солнца едва золотили вершины столетних сосен, напоенный влагой ночного дождя и утренней росы лес сонно сиял свежей зеленью, день еще не решался начинаться, а невысокая черноволосая девушка уже спешила знакомой тропинкой к поляне, видневшейся в просвете массивных стволов. Все в облике и повадках неизвестной выдавало в ней деревенскую жительницу. Платье из плотного грубого полотна, перехваченное в талии льняным передником, скромно подчеркивало девичью, не вполне сформировавшуюся фигурку, платок, завязанный на затылке, драпировал тяжелый узел черной косы, деревянные боты скрывали маленькие ножки. В руках девушка сжимала ручку средних размеров корзинки, сплетенной из ивовых прутьев. Содержимое корзины скрывал кусок ткани.

Выбравшись из лесных зарослей на крохотную полянку, заросшую земляничными и черничными кустиками, юная путница на мгновение остановилась перевести дух и найти глазами знакомую, слегка покосившуюся, а потому, казалось, разваливающуюся избушку. Дверь бревенчатой хибарки была подперта бревнышком. Все осталось таким же нетронутым, как и вчерашним утром. Облегченно вздохнув, девушка тихонько отбросила запорку в сторону, осторожно открыла едва не закрипевшую на всю мощь старых петель дверь и с некоторой опаской вошла внутрь.

Опустив тяжелую корзину на пол, она огляделась. Вид изнутри был не менее убогим, чем снаружи. Длинные лавки у стен, пол из черных растрескавшихся от времени досок, грубо сколоченный стол у маленького подслеповатого оконца. От развешенных под потолком связок и пучков сушеной травы исходил медвяный, сладко дурманивший запах. Должно быть девушке, в беспомощности лежащей на узкой лавке в дальнем от входной двери углу, этот травяной аромат навевал дивные сны.

Не сразу, а выждав время, вошедшая подошла к больной. Волнистые белокурые пряди разметались на сером грубом сукне, обрамлявшем постель, серая исподняя и неоднократно латаная рубаха не скрывала болезненной бледности лежащей.

– Жива еще, – удивленно пробормотала ее посетительница.

Развязала платок, пустила на волю косу и принялась споро да ловко опустошать корзину. Скоро на столе появились глиняная кружка, наполненная густой сывороткой, маленький горшочек с медом, завернутый в холщовую тряпочку сыр, кувшин с каким-то отваром. Подхватив кувшин и вооружившись деревянной ложкой, девушка присела на чурбачок у изголовья болеющей. Бережно приподняв голову больной, она уверенно и настойчиво начала вливать ей в рот по каплям целебный отвар.

– Ну, открой рот. Очнись... Хватит уж, наспалась поди... Теперь уж не умрешь, – так непослушного ребенка терпеливо увещевает заботливая мать.

Сторонний наблюдатель удивился бы этому зрелищу. Как могут девушки одного возраста быть так непохожи друг на друга? И различали их не болезнь блондинки и розовощекое здоровье брюнетки. Как нянька, с любопытством вглядывалась крестьянка в лицо беспометной девушки. Чудная, и не потому, что нечистая, как говорит тетка Магда. Красивая, наверное, когда здоровая, но не нашей, чужой красотой. И то прав батюшка: «Чужая... Из-за моря». Пальцы на руках нежные, не натруженные, у прятки ночами, видать, не сидела, шерсть да

⁴ Иль – де Франс (в пер. с франц. яз.) – Остров Франции.

кудель не шипала, саппарад⁵, собранный по весне, не разбирала. Ножки нежные, не в деревянных ботах, а в другой обуви всю жизнь ходила, и не лесными тропками, а по булыжной мостовой города. Сестра Агнесса рассказывала, какие у бриттов города, названия не упоминай, как много за морем больших поселений. Ишь, бедняжка, как умучилась, уж сколько пальцев на руке, столько дней хворает, не зря тетка Магда не верила, что оживет, а в дом взять не разрешила, не чистая, говорит, очаг осквернит. И то злыдня тетка, как такая беленькая и нежная да осквернит?!

Кувшин опорожнен почти на четверть, а цвет лица у больной сегодня, вроде, лучше, чем вчера, или ей только кажется? Как, бывало, матушка, когда была жива, ее, маленькую Мерсию, в хворости выхаживала? Она помнит только мамины руки, теплые, сильные и добрые, лицо материнское уже стерлось из памяти, и неудивительно, столько лет прошло. А вот матушкины песни, которые она ей пела, укачивая больную в колыбели, и сейчас звучат в голове. У этой девушки, верно, тоже была мать, и песни ей пела. Где она теперь? Далеко, и ни чем своему ребенку помочь не может.

И Мерсия запела приятным голосом любимую матушкину песню о сверчке, поющем за печкой, и о дочке, которая никак не хочет угомониться. Слезы катились по ее щекам. Мерсия и сама не знала, что оплакивала – умершую мать или чужую незнакомую девушку, которую никак не покидает хворость.

Веки смыкаются свинцовой тяжестью, во рту пересохло, руки и ноги не слушаются, и голова, голова страшно болит. Вот что чувствовала Женя. Где-то глубоко в бездне подсознания она понимала, что больна, и больна долгое время, но, кажется, наступает срок выздоровления и пробуждения. Понимала, и ей чудился сон, как она, обдирая голые руки и ноги до крови, из последних сил, в припадке дикого отчаяния карабкается со дна чудовищного ущелья по отвесной стене холодной и склизкой скалы вверх, хватается за выступающие края камней, жухлые ростки чахлой растительности... срывается вниз, «падение» отзывается новым приливом головной боли. Но она вновь карабкается к свету и снова срывается... Это продолжается до бесконечности.

Но сегодня ее сон видоизменился. Она уже не покоряет горную вершину, а спокойно утопает в чем-то мягком. Хорошо и вкусно пахнет травой, деревом, молоком и медом. Она не одна, с ней кто-то есть. Ей слышится песня, чудная, милая песня на незнакомом, но как будто слышанном когда-то языке. Негромкий девичий голос звучит совсем рядом, и от этого голоса и песни веет теплом и добротой. Лучики тусклого света проникают сквозь Женькины ресницы, она с трудом и не с первой попытки разлепляет веки...

– Очухалась, ух, ты, – Мерсия от неожиданности разве что не упала. – Может, ты есть хочешь?

Женя огромными глазами, еще не отошедшая ото сна, граничащего с беспмятством, в большом удивлении и недоумении смотрела на девушку, склонившуюся над ней. Где я? Что со мной? Кто ты? – хотела спросить она, но язык, как и все тело, не слушался.

– Ой, да что это я! Какая же в твоём состоянии еда? Настойки селегды⁶ тебе должно быть хватило? И не голод тебя сейчас мучает? Так? Руки поднять не можешь, бедняжка? Так все болит? Я вот тебе сейчас поглажу ручки, ножки, глядишь, легче станет.

Женя с недоумением взидала на незнакомку, не понимая ни слова. На каком языке говорила черноволосая девушка?

⁵ Растение, произрастающее на острове, на котором располагалось королевство Иль-де-Франс.

⁶ Растение, произрастающее на острове, на котором располагалось королевство Иль-де-Франс.

– Ай, глупая я, ты же верно не разумеешь на нашем языке. Батюшка учил меня вашему немного. Ах ты, как сказать... – задумалась Мерсия и продолжила уже на наречии бриттов. – Ручки, хочешь, тебе поглажу и ноги, легче станет.

А вот это уже понятнее, какой-то странный, исковерканный английский.

– Йес, – с трудом прошептала Женья.

– Поняла, – почти закричала Мерсия и начала, осторожно зачерпнув из глиняной кружки немного сыворотки, растирать бледные руки больной. – Как же ты попала к нам на остров? Приплыла на корабле с материка? Наш остров франков называется Иль-де-Франс, его редко кто посещает. И здесь живем только мы, франки, подданные королевской семьи де Флер. А у вас на материке, говорят, много стран, и короли да князья разные. И вы, бритты, совсем другие.

«Это продолжение сна, – думала Женья. – Какие бритты и франки? О чем она? Где я? И как сюда попала?»

По всему телу от умелых рук Мерсии разливалось тепло, сыворотка смягчала обезвоженную кожу. Женья уснула, но уже спокойным, крепким сном выздоравливающего, освобождающегося от оков болезни человека. Ей снилось лето, в огромном ромашковом поле, залитом лучами полуденного солнца, маленькая девочка в красном сарафане весело резвится со своим щенком Тузиком. Где-то мама и папа кричат ей: «Женья, Женечка! Вернись! Угомонись, девочка, ты устала!» Но солнце сегодня такое задорное, такое яркое, хочется бежать ему навстречу сквозь заросли полевых цветов и травы, увлекая за собой такого же несмышленого щенка...

На хуторе Фальков

После полудня жара отступила, ветер усилился и резво гнал легкие волны к кромке песочного побережья. Синева неба к вечеру, казалось, загустела, словно застоялась и резала глаза. Женя зажмурилась. Ветерок и закатное солнце нежно ласкали кожу, звуки волн, весело набегавших одна на другую и почти достигавших ее ног, убаюкивали. Она вдруг вспомнила, что совсем недавно так же сидела на пляже Городского пруда и мечтала оказаться на море. Как ни странно, но мечта побывать на морском побережье в последние летние каникулы, похоже, сбылась. Но бог мой, что же все это значит?!

Сидя на корточках на песке, Женя обхватила руками ноги, закутанные в складки тяжелого длинного платья (ну, что за странность, носить в такую жару грубые шерстяные платья!) и наблюдала за своей спутницей. Чуть поодаль Мерсия, напевая песенку, чистила коврик, плетеный, верно, ею же самой в какой-нибудь длинный зимний день из крашенных настоем из луковой шелухи шерстяных нитей. Подоткнув подол платья на талии, так что едва виднелись загорелые щиколотки ног, разложив коврик на песке, девушка ловко скребла его найденной здесь же на побережье раковинной. Затем отбрасывала импровизированную щетку в сторону, шла к воде и полоскала коврик в морской воде. Потом в дело шло суконное одеяло, и все начиналось сначала.

Неугомонная! Как у нее сил хватает, ведь они на ногах сегодня с раннего утра. Всегда веселая, добрая, ласковая, всегда напевает песню, сколько бы работы за день не переделала, никогда не жалуется. И во всем ей, Жене, помогает, сочувствует. Вот и сейчас велела ей отдыхать, заканчивает дневную работу одна. Славная, – думала о новой подруге Женя, – я совсем на нее не похожа. Уже почти месяц как отступила болезнь и слабость, а сил превозмочь усталость к середине дня все не находится. За Мерсией ей не угнаться.

– Мерсия! Как называется это море?

– Что? – Мерсия от неожиданности прервала свою песню, неохотно оторвалась от работы, выронила одеяло в воду, встряхнула головой, так что черная коса выскользнула из-под платка и змеей скользнула в морскую воду. Девушка выпрямилась, расправила плечи и недовольно начала закручивать в узел непослушную косу.

– Что-то и я уже устала, – сказала она, присев рядом с Женей на серебристый и горячий от солнца песок.

– Как называется это море? – повторила свой вопрос Женя.

Староанглийский язык, на котором с ней заговорила в первый день Мерсия, давался ей с трудом, и она общалась со своей спутницей в режиме мыслеобмена, как совсем недавно ее учил Страйг.

– Море как называется? Да, как же ему еще называться, Море франков, конечно, – всплеснула руками от удивления Мерсия.

«А у нас это пролив Ла-Манш», – подумала про себя Женя.

– Бедняжка Джейн, даже название моря не помнишь, уж который день в глазах твоих печаль, и память не возвращается, – Мерсия нежно погладила подругу по плечу. – Кто ты и зачем на наш остров из Британии приплыла, так ничего и не припоминается?

Женька покачала головой:

– Ничего.

Еще несколько недель назад она поняла, что в сложившейся ситуации лучше быть девушкой, потерявшей память после долгой болезни. Не объяснять же, что «прибыла» она с Луны, и что в спутниках с ней должны были быть космический странник и лед-воин. Да и где они? Женя действительно ничего не помнит. Что случилось во время прогулки по поверхности лунного Озера Сновидений? Где Страйг и Марта? Почему они не объявились, когда Женя болела?

Девушка ни на минуту не могла поверить, что они бросили ее в этом чужом мире. То, что это не ее родной мир, она поняла сразу, как пришла в себя. И не ее время. Образ и уклад жизни Мерсии и ее семьи напоминал средневековые. Что все это значит? – который день терялась в догадках Женя и никак не могла найти хоть какое-нибудь логическое объяснение случившемуся. Милая Мерсия стала для нее верной подругой в эти дни. Как жаль, что нельзя с ней поделиться своими терзаниями. Примет, скорее, за сумасшедшую, а другие, как это у них в средневековые водится, пожалуй, и за ведьму сочтут.

– Ничего, значит, знакомого не видишь. Ничего здесь тебе родного не напоминает – ни море, ни лес, – вздохнула Мерсия. – Значит, у вас в Британии все совсем по-другому. И то батюшка говорил, материк совсем не похож на остров.

И вот еще странность: франки живут на острове, бритты на материке. Ну и метаморфозы! – удивлялась Женька. Как же этот мир отличается от ее родного мира. Или она что-то пропустила при изучении средневековой истории и географии?

Жене вдруг вспомнился смешной случай из ее такой далекой теперь школьной жизни. Как-то незадолго до зимних каникул они с Татьяной в очередной раз разозлили преподавателя географии Страшного Семена, так за глаза его звали все в лицее. Разозлили своими обычными вопросами не по программе и не в тему. И вышедший из себя препод под прицельным наблюдением десятков глаз их одноклассников, дабы проучить непослушных и непокорных, и чтоб другим неповадно было, дал им задание на следующий день подготовить доклад «Структура мировой экономики и ее география» (кажется, так была сформулирована тема) и соответствующий иллюстративный материал – карту.

Задание казалось почти нереальным, но садиться в лужу очень не хотелось. Верная Наталья вызвалась помочь подругам, предоставив в их полное распоряжение пятикомнатную профессорскую квартиру (ее папа преподавал в местном мединституте), свободную на тот момент от предков, и подручный материал – энциклопедии, ватман, фломастеры, компьютер. Перерыв за вечер и начало ночи гору литературы и Интернет-сайтов, девчонки состряпали внушительный доклад. Оставалось вручную нарисовать карту. Разложив ватман на полу, и поделив «мировое пространство на зоны влияния», каждая принялась изображать свой кусок карты. Когда в два часа ночи «произведение искусства» было готово и выяснилось, что Румыния помещалась местами с Белоруссией, Финляндия и Кольский полуостров «утонули» в Баренцевом море, а Австралия исчезла как Атлантида, менять что-либо было уже поздно, и на следующий день им оставалось только одно – импровизировать.

На последнем уроке географии Женя и Татьяна со своим «ассистентом» Натальей представили свою версию о том, что произошло бы с мировой экономикой, если бы их карта соответствовала действительности. Одноклассники остались в диком восторге от подобной наглости и находчивости, а Страшному Семену пришлось признать свое поражение. Что и говорить, этот прикол запомнился всему классу надолго!

Смешной случай. Вот интересно, кто же пошутил с географией в этом мире?

– А какой сейчас год? – снова спросила Женя.

– Год какой? И этого не знаешь! Известно какой – 1068 от рождества Христова, – ответила Мерсия.

Девушки сидели некоторое время молча, любуясь вечерним светилom, игрой волн и вглядываясь в морскую даль, необъятную и пустынную.

– Тихо здесь, покойно, как на краю света, как на необитаемом острове, ни корабль, ни лодочка, ничего на горизонте за весь день, – прервала молчание Женя.

– Ничего удивительного, – заметила Мерсия. – На побережье никто не живет. Ближе к морю селиться да дарами моря кормиться – плохая примета, так с давних времен ведется. А парусники британцев все больше на восток плывут, к Гавру. Мы их и не видим.

– И далеко же, верно, твоя Британия. – Продолжала размышлять черноволосая девушка. – На корабле плыть несколько дней, а может, недель понадобится, – так батюшка говорил. И то, если погода не разгуляется бурей, штормом, и ветер хороший подарит. А еще говорят, в море, если киты заплачут, быть беде большой. Придет из моря Великий Ужас, и корабли, и моряков поглотит. А в давние времена, рассказывают, он и до побережья добирался.

– Что за Великий Ужас? – спросила Женя.

– Не знаю. Тетка Магда меня им в детстве пугала.

Собрав оставшиеся коврики и одеяла, девушки возвращались домой. Покинув побережье, узкой полосой тянувшееся на восток, они преодолели подъем по склону крутого песчаного холма, морская долина пропала из поля зрения, и девушки сразу оказались в другой природной зоне, их встречал могучий сосновый лес. Знакомой тропинкой они спешили домой на хутор отца Мерсии – крестьянина Жана Фалька, приютившего беспамятную девушку.

– Я, кажется, помню, вроде, со мной брат был, старший, – сказала Женя, вспоминая, конечно, о Страйге.

– А может быть, твой брат – моряк или купец? Как же иначе женщина могла на корабле очутиться? – спрашивала Мерсия.

Такие разговоры они с Женей вели каждый день, жаль ни к какому ответу не приходили.

– Я поняла, – неожиданно остановилась и воскликнула черноволосая девушка.

– Что ты поняла? – остановилась и Женя.

– Ну, конечно же! Тебя, верно, как дочь знатного британского дворянина, – да, да, не спорь, дворянина, ведь ты скорее на дворянку похожа, так все говорят, и тетка Магда, и сестра Агнесса, везли в Сен-Мало, а может, в Мен или Нан, чтоб выдать замуж за какого-нибудь рыцаря или барона.

– Ну, вот еще, что за глупости, – возмутилась Женя.

– Ничего и не глупости, Джейн, мне тетка Магда и сестра Агнесса рассказывали, что так у бриттов заведено... Да и по годам ты уже невестишься.

– Я не старше тебя, Мерсия, что же твой батюшка тебя замуж не выдает?

Мерсия смутилась и опустила глаза:

– У нас, крестьян, все по-другому, чтоб дочь замуж выдать, надо ей приданого накопить, а отец мой беден, ты знаешь...

– Прости, милая Мерсия, я не хотела тебя обидеть, – виновато проговорила Женя. – Просто не может такого быть со мной.

– И очень даже может, – не унималась ее спутница. – Вот во прошлом годе к принцессе нашей Анне сваты тоже из-за моря прибыли – только не с юга, не из Британии, а из королевства Ирландского, тамошний король ее руки у принца Филиппа просил.

– Принцесса Анна, принц Филипп? – спросила Женя, мучительно пытаясь оживить свои небогатые познания по истории средневековой Франции.

– Ты, верно, и о них ничего не знаешь! Как же можно ничего не знать о нашей красавице принцессе? А я думала слава о ее красоте и добродетели не только море Ирландское, но и Франкское преодолела. Принцесса Анна – самая младшая и единственная дочь короля Карла Великого.

«Вот это имя мне уже знакомо, только, кажется, он жил и правил Франкским государством значительно раньше, или я ошибаюсь?»⁷ – думала Женя.

⁷ В этом месте повествования автор считает нужным пояснить, что описанные далее события имеют к реальной истории Франции весьма сомнительное отношение. События, имена, даты здесь в сравнении Франкским государством мира Земли -7 спутаны и перемешаны, многие явления, характерные нашему миру в более поздний период, здесь наличествуют уже в конце XI века. Не ищите исторических параллелей и логики, в данном повествовании они не в чести.

– Карл Великий умер, тому как десять лет, а вскоре и его жена, наша королева Жанна, покинула сей мир. И уже несколько лет нашим королевством правит старший сын Карла Великого – принц Филипп из королевской семьи де Флер, – рассказывала Мерсия.

– И что же теперь ваша принцесса – королева Ирландская? – поинтересовалась Женя.

– Да нет, с ней беда приключилась. Пропала она в день венчания, еще не покинув земли Парижской. Год никто о ней ничего не слыхал. Люди разное говорят, а только нет нашей принцессы.

– Печальная история... Мерсия, прошу тебя, расскажи, как вы нашли меня, – попросила Женя.

– Да уж сколько раз рассказывала. Что странно, никто на соседних хуторах не слыхал, чтоб в наших водах причаливал корабль с материка. А день твоего появления просто страшно вспоминать. По утру-то спокойно было. Маргарита, работница с соседнего хутора, к тетке приходила, у них корова телилась, так она советовалась, говорила, то у них в овине прошлой ночью чужие ночевали, они их не видели, только следы остались. Едва она ушла, буря разгулялась страшная, ветер, дождь, на море штормило. На побережье что только на другой день не нашли, все дары морские, только останков корабля не было. Мы, как занепогодилось, в дом пошли. А когда молнии полыхать стали, тетка Магда как закричит, мы все женщины и спрятались в подполье. А то Агнесса, женщина святая, говорит, грех это за играми нечистых – молниями, значит, наблюдать. А батюшка в доме остался, за хозяйством приглядеть. И вроде чудилось ему, что у дуба столетнего, который еще прадед мой посадил, люди какие-то метались. Дождь лил как из ведра, разве разглядишь что. А когда к рассвету утихла природа, мы пошли проверять, все ли цело, тетка к своей корове Магдалине побежала. Сестра Агнесса у дуба как закричит: «Мертвяка нашла, мертвяка!» Тетка опять чуть в обморок не упала. А я подхожу, гляжу девушка, ты то есть, в лохмотьях каких-то черных ли голубых, лежишь вся без чувств, бледная, и не дышишь, вроде. Жуть как страшно. А батюшка подошел, на руки тебя взял, в дом принес, на лавку положил, стекло к губам приложил, запотело оно. Живая, говорит, значит. Тут тетка как опять завопит! Да батюшка ее не послушался, пожалел тебя, только в заброшенный дом отнес. Там и выхаживали тебя. Мы все ждали, когда искать тебя будут. Но из родных твоих так никто и не объявился.

Женя тяжело вздохнула, разгадка тайны ее появления в этом мире, также как и несколько недель назад, была ей недоступна. Мерсия участливо наблюдала за ней и, чтоб отвлечь подругу от грустных мыслей, стала рассказывать поверья, легенды о лесных духах, о хозяевах морских, которых знала великое множество. За сказками обратная дорога показалась не такой утомительной и длинной.

Лес расступился, и скоро взорам девушек предстал стоящий на взгорке небольшой дом из древесного каркаса, обмазанного глиной. У дома с запада примостились хозяйственные постройки, имелось здесь стойло для всеобщей любимицы – коровы Магдалины, главного сокровища тетки Магды. От незваных гостей маленькую усадьбу ограждал частокол из ровных кольев. У калитки девушек встречал сам хозяин.

Жан Фальк был невысоким коренастым мужчиной пожилого возраста – сорок лет для человека его круга считалось почти преклонными годами. Загорелое морщинистое лицо, загрубевшие руки, опиравшиеся на железный заступ, сохранивший еще свежие комья земли, – все выдавало в нем труженика. Пышная черная борода едва скрывала доброжелательную, немного усталую и загадочную улыбку. После дня, наполненного привычным с детских лет трудом, приятно немного постоять на холодке, подставив лицо ветерку и вечернему светилу, подумав, не спеша, о том, о сем. А всего более полюбоваться на любимую дочь, возвращающуюся с подругой к домашнему очагу. И как ему не любить всем сердцем Мерсию! Она у него единственная, надежда и душе успокоение. Как похожа на мать, такая же красавица, такая же добрая и ласковая!

Когда в жены взял скромную девушку из далекой деревни, не нарадовался, какая работница да умелица. Жизнь крестьянина нелегка. Милостью божией и сеньора – рыцаря Паре в его владении есть небольшой надел земли – главное богатство. Обрабатывая этот кусок пашни и получая с него урожай зерна, тяжелым трудом Жан, также как и его отец, и дед когда-то, как все жители хуторов в округе, кормит семью и не теряет надежду на лучшую жизнь. Случается едва сводить концы с концами, а если не уродит земля, то и редкие дары моря не спасут от голода. Да и не гоже крестьянину на море промышлять, ловля рыб и тварей морских – не крестьянское занятие. В одну из таких черных годин он потерял любимую жену, остался с маленькой дочкой на руках совсем один. Люди говорили, что его хутору нужна новая хозяйка. Да только на других женщин Жан после покойной жены смотреть не мог. Спасибо Магде, его незамужней сестре, переселилась к нему, без женщины в хозяйстве нельзя. Завели сначала телочку, потом коз и кур, молоко, сыр и яйца шли на скудный стол и на обмен.

Через год в одну из страшных грозовых ночей к их дому прибилась беглая монашенка Агнесса, сначала хворала, не говорила ни слова, отказывалась рассказывать, зачем покинула обитель, но потом оказалось, что женщина она скромная работящая, да так и прижилась. На крестьянском хуторе лишних рук не бывает. А теперь и Мерсия подросла, во всем тетке и отцу помогает. Бог даст, найдется добрый человек, возьмет его красавицу в жены, не побрезгует их богатством, хутор обретет еще одного помощника, и будет кому защитить дочь и стать новым хозяином земли. Так думал старина Фальк, встречая Мерсию и ее подругу.

Мужчина сдержанно поприветствовал девушек. Дочь и отец обнялись, как после долгой разлуки. Женя уже давно поняла, что Жана и Мерсию связывают истинные родственные чувства, наполненные нежностью и бесхитростной непосредственностью.

Вечер собрал небольшое семейство Фальков за общим столом. Впервые оказавшись здесь несколько недель назад, Женя удивилась простоте и неприкрытой бедности обстановки. Дом согревал открытый очаг, вокруг которого теснилась вся небогатая обстановка – лавки, стол, стулья, изготовленные из грубых необработанных досок. Закопченные стены кое-где украшали полотняные коврики ручной работы, пучки пахучей травы и потемневшая икона Богородицы над очагом. Оконца, затянутые мутными «стеклами» из бычьего пузыря, плохо пропускали дневной свет. На земляном полу сустились куры, жившие вместе с людьми. В первую ночь, проведенную на женской половине этого дома, отделенной от горницы тонкой перегородкой, Женя своим криком разбудила все семейство, когда одна из пеструшек любовно клюнула ее в щеку.

Крестьянский ужин состоял из перловой каши, которую Мерсия и Женя ели из одной миски, сыра, молока, яиц, овощей – капусты, спаржи, салата и земляники, ее сестра Агнесса собрала в лесу, когда возвращалась из деревенской церкви. Жану как единственному мужчине в доме досталась еще крольчатина и пиво в глиняной кружке. К скромному пиршеству поспели и куры, копошившиеся вокруг стола, домочадцы бросали им остатки еды прямо на пол. Тетка Магда, грузная женщина с тяжелым взглядом, как хозяйка отмеряла порции еды каждому члену семейства по мере его участия в хозяйстве. Сейчас она стояла во главе стола и большим кухонным ножом разрезала на крохи буханку свежеспеченного ржаного хлеба, прижав ее к своей необъятной груди, затянутой в завязанный почти под подбородком коричневый шерстяной передник, не забывая при этом и о своих пеструшках, им вдоволь доставалось хлебных крошек.

– Поговорить надо, брат, – обратилась хозяйка к Жану, закончив с раздачей еды.

– Что же делать вечером после тяжелого дня, как не говорить, – согласился Фальк, допивая пиво и улыбаясь от нехитрого удовольствия трапезы.

– Я не для забавы, ты знаешь, о чем я, – продолжала Магда, устремив взор на Женю, от чего последней захотелось спрятаться под стол. – Нужно что-то решать с нашей гостьей.

– Отец, скажи ей... – вскрикнула Мерсия, девушка побледнела, на глазах ее выступили слезы. – Пусть она оставит эти разговоры.

– Молчи, девчонка! – Вспылила и тетка, грозно стукнув по столу ладонью, – вечно пользуешься тем, что отец тебе все позволяет. И слово тебе никто не давал.

– Подумай, брат, – продолжала она после нескольких секунд общего напряженного молчания, – нужно что-то решать. На соседних хуторах и то идет молва: беспамятная девушка, ничего не помнит, родных нет. И сразу видно, чужая она, нашей жизни не знает, к работе не приучена, и не под силу ей. Чужая она. А лишний рот нам ни к чему. Не может она больше в нашем доме оставаться.

– Вы правы. Я слишком многим обязана вам, но дольше злоупотреблять вашим гостеприимством я не могу. Я... не помню, но, наверное, так меня учили, это нехорошо, – подала еле слышно голос Женя.

За столом повисла тишина. Глядя на плачущую дочь и застывшую Женю, скорбно наблюдавшую за тем, как решается ее судьба, посерьезнел и глава семейства.

– Батюшка, не гоните Джейн! Куда она пойдет? И мне без подруги, без сестры так тоскливо, не ее, так меня пожалейте, – всхлипывала Мерсия.

– Не плачь, доченька. И ты не упорствуй, сестра, в доме Фальков никогда не отказывали в помощи людям, попавшим в беду. – Заговорил, наконец, Жан. – Отказать этой девушке в крове сейчас, все равно, что грех убийства совершить. Не хорошо так, не правильно будет. Не спеши, Магда, вот вернется к себе в усадьбу господин наш, к нему и пойду за советом, как быть. Не зря же я принес ему клятву верности, его добротой и жив, ему и решать, как поступить с бедняжкой Джейн.

Слезы племянницы и несговорчивость брата, не желавшего соглашаться, в конец расстроили хозяйку. Раскрасневшись от досады, Магда отвечала:

– Господин Паре покинул наши места давно, еще весной, собирался в Гавр, а там и Париж не далеко, на обратном пути, глядишь, надумает завернуть в Мен. На то он и рыцарь, дворянин, чтоб жить в свое удовольствие, не нам чета, только его сеньор – барон де Бриссак и может ему приказать поспешить вернуться на побережье. Так что можешь ждать его хоть до Рождества Господня, хоть до будущей Пасхи. А до зимы нам Джейн не прокормить. Это ты, брат, лучше меня знаешь.

Жан тяжело вздохнул. Конечно, Магда права, ему ли не знать, как долгими холодными зимами тягостно делить остатки припасов между домочадцами и ждать весны как избавления от ужаса наступающего голода. Но вышвырнуть на улицу живого человека как котенка...

– А ты что молчишь, сестра Агнесса, не чужая нам. Что ты скажешь? – обратился Жан к другому члену своего невеликого семейства.

Незаметная до этого бывшая монахиня, так и не отказавшаяся в миру от аскетичных черных одежд божьих невест, с покрытой платком головой, казалась женщиной без возраста. Как заметила Женя уже давно, она редко вступала в общий разговор, работала всегда молча, но к ее слову здесь все прислушивались, и добрый Жан, и грозная, всем недовольная Магда. Услышав обращение, адресованное ей, сестра Агнесса едва заметно оживилась и обратилась к Жене.

– Не вспомнила ли ты, дитя мое, кто ты, откуда, кто твои родители, из каких земель?

Женя в ответ только отрицательно покачала головой.

– Оно и не удивительно, – спокойно сказала монахиня, – заблудилась ты, Джейн, в лабиринтах своей памяти. Я, как погляжу, в церковь ты еще ни разу не просилась, на образ Богоматери, что сей дом охраняет, не крестишься, а веришь ли ты Господу? Видишь, и сама не знаешь. Надо тебе перед Господом нашим повиниться за беспамятство и неверие свое. Отец наш небесный Иисус Христос – милосерден, он заблудшие души принимает с нежной любовью, простит тебя и откроет дверцу памяти твоей.

– Хм, да если бы все наши беды в церкви исчезали, – насмешливо хмыкнула Магда.

– Молчи, сестра, дай слово божье молвить, – оборвал ее Жан.

– Тут одним визитом в деревенскую церковь не обойдешься, – продолжала Агнесса. – Тут идти надо долго по святым местам, молиться, помощи у людей просить, служить, если придется. Я сегодня в деревне встретила сестру свою нареченную Патрицию, она на богомолье идет, возьмет и Джейн с собой, коли та станет ее верной ученицей.

– Батюшка, не отпускайте Джейн, тяжела ей будет дорога, – вступила в разговор заплаканная Мерсия.

– Не надо, подруга, не проси, – остановила ее Женя, накрыв ладонь Мерсии своею, – сестра Агнесса права, может, в дороге ко мне и, правда, память вернется.

– Так всем будет лучше, – сказала Женя в завершении.

А про себя подумала, что, может быть, в пути ей удастся напасть на следы Страйга и Марты, и неизвестно еще, чего следует ожидать от их господина Паре.

– Ну, что ж, вольному воля, а дорогу осилит идущий, – такими словами закончил Жан Фальк невеселый ужин и велел своим женщинам идти спать засветло.

Дорогу осилит идущий

Дорогу осилит идущий – эти слова твердила Женя не первый день, едва поспевая за своею новой наставницей сестрой Патрицией. Позади расставание с семьей Фальков, недолгие сборы, слезы Мерсии, ее дорожный подарок – заплочный мешок с нехитрым скарбом (пара белья, новое льняное платье, шерстяной платок с чудной вышивкой и медный крест), напутствия старины Жана и сестры Агнессы, надутая, но довольная физиономия Магды.

При первой встрече сестра Патриция показалаcя Жене суровой старухой, фанатично преданной своей вере. Испытующим взглядом она минуты две изучала новую наперсницу, также грозно задавала вопросы о том, что она знает, чему верит. Но спустя некоторое время морщинистое лицо монашенки подобрело, исполнилось умильной жалости.

– Ничего-то ты, девушка, не знаешь в нашей округе, и мир Франкский тебе чужд. Но не бойся, бедняжка, Господь наш велел защищать сирых и неверующих. Я тебе помогу, я тебе в этом мире проводником буду.

Через день Женя уже привыкла к монотонным и многословным ежедневным наставлениям Патриции, через день они стали вызывать ее любопытство, через два она стала находить их интересными и содержательными, ибо узнала много нового не только о том, как надо поститься и молиться, но и об обычаях, нравах, традициях местного населения. Сестра казалась женщиной не только благоразумной, но и начитанной, образованной, она рассказывала Жене о крупных франкских городах и поселениях, которых посетила великое множество, о событиях, произошедших в последние десятилетия. За этими беседами путницы проводили время, коротали вечера, скрашивали скудные трапезы.

Дорога вела прочь от морского побережья, вглубь острова. Шли они в основном днями, к вечеру старались найти ночлег в какой-нибудь деревне или крестьянском хуторе, которые попадались на их пути. Нередко встречать ночь приходилось прямо в поле, и тогда стог сена служил постелью, а звездное небо пологом. Порой ночевали в покинутом охотничьем шалаше в лесу. Благо, что ночи стояли теплые, лето выдалось жарким, и не пугало дождями и грозами. Монашенки встречали приветливо, одаривали припасами еды с нехитрого крестьянского стола, за которые сестра Патриция совершала небольшие обряды, лечила и давала советы, как жить по-божески.

Женя не могла надивиться наставнице. Несмотря на преклонный возраст, она обладала большой физической выносливостью, могла войти в дом самого недоброжелательного крестьянина и найти с ним общий язык, знала массу важных вещей и никогда не предавалась унынию. Девушке нелегко давалось путешествие, и сестра Патриция сверх меры разрешала ей отдыхать и наслаждаться видами природы.

Окружающий ландшафт был неизменен с хутора Фальков – хвойные и лиственные леса, луга, поля, распаханые под пашню. Уже ничего не напоминало о близости морского побережья, лишь изредка попадались лесные ручьи, и тогда путешественницы спешили пополнить свои запасы питьевой воды. Женю удивляла малонаселенность местности, разве что в деревнях подчас оказывалось до трех десятков жителей, на хуторах – не больше одного десятка. Все они жили примерно также как Фальки своим крестьянским хозяйством, городов не видали, дальше соседней деревни нигде не бывали.

В тот день сестра Патриция выбрала странное место для дневной трапезы. Свернув с широкой дороги, пересекавшей поле, на лесную тропинку, они углубились в лес настолько, что свет дневного светила затмили стволы высоких деревьев, пришлось продираться сквозь заросли кустарника, к немалому неудовольствию Жени, изрядно поизносившей и порвавшей в дороге платье, на что, как на несостоящую внимания мелочь, Патриция не обращала ровно никакого внимания. Выбравшись на небольшую полянку, монахиня начала неспешно раскла-

дывать на дорожной скатерти снедь, добытую вчера у крестьянина, которому она приготовила настой целебной травы, – ржаной хлеб, сыр, печеные овощи и бутылъ с молоком.

Недоуменно оглядывая это глухое место, ее ученица воздержалась от вопросов и нашла пенек, на котором расположилась и устало принялась за еду. С последней нужно было поспешить закончить, чтобы осталось время поспать до очередного перехода. В отличие от девушки, сестра Патриция ела неторопливо, смакуя каждую крошку. У Жени, глядевшей как осторожно, почти нежно она откусывала кусок за кусочком от краюхи хлеба, зажатой в морщинистой ладошке, вдруг сорвался вопрос:

– И давно вы так путешествуете, сестра? Давно скитаетесь?

– Путешествую, говоришь, скитаюсь? То не путешествие в свое удовольствие, не скитание бездумное, гонимое нуждой, то служение Господу нашему, ибо в этом есть мое призвание и моя вера, – с достоинством ответила пожилая женщина.

– А что же в монастыре для вас места нет?

– Как же нет? Что ты? В монастыре всем место найдется. Я и жила там, только по молодости, с детства. Но вот долго с сестрами жить не могу, летом особенно душно мне. Там богомольцы одни и те же, чему их научишь, что от них нового узнаешь? Да и хватает там без меня духовных наставников, исповедоваться да на богомолье все больше благородные баронессы, графини, чуть не герцогини приходят. Нагляделась я на них. Всегда одно и то же. А в дороге чего только не бывает. Скольких людей узнаешь, каких в городах не бывает, скольким поможешь, чего только не увидишь. В монастырь я, конечно, возвращаюсь, зимы иногда такие холодные бывают, снежные, дальше Парижа носа не высунешь. Да, да, чего ты удивляешься, мой монастырь в предместье самого Парижа находится. А вот смотри, будешь меня слушаться да всему прилежно внимать, приведу тебя к Рождеству Божьему, а может и раньше в Париж, в свой монастырь, с сестрами познакомлю, да и замолвлю словечко настоятельнице за новую послушницу.

От неожиданности Женя вспыхнула, чуть не захлебнулась водой, которую пила из кожаной фляжки, и не упала со своего пенька. Патриция, прикрыв глаза ладонями, откинулась назад на ствол ели и вдруг так по-девичьи молодо засмеялась, чем привела девушку в еще большее смущение. Отсмеявшись до слез и вытерев лицо платком, монахиня, наконец, успокоилась:

– Эх, милая, шучу я, не бойся. Кто же против воли тебя в монастырь запрет? Да и опыт мой жизненный подсказывает, не твое это дело, не призвание. Ты вот молча слушаешь, не перечишь, все делаешь, как я велю. Но ведь это все не ты. Ты совсем другая, я чувствую. Гордая ты, не покорная, терпения в тебе мало, и смирения нет совсем. А без смирения какая монахиня? Не бойся, мы вместе, пока я нужна тебе. Собирайся, нужно спешить совершить молитву в одном памятном месте.

Когда остатки пищи и дорожная поклажа были собраны, сестра Патриция к удивлению Жени повела ее не к просвету среди деревьев, а вглубь леса. Спустя короткое время пути они оказались на заброшенном погосте. Среди расступившихся в стороны стволов елей и сосен терялись в зарослях травы покосившиеся, почерневшие от времени осиновые кресты. Эти памятники утопали в сохранившихся местами оплывшую форму земляных насыпях, а больше в провалах черной, смешанной с перегнившими листьями и травой почвы. В едва угадывающихся между рядами могил дорожках отсутствовала какая-либо система. Видимо, захоронения производились хаотично, а порой и поспешно. Сестра Патриция быстро шла от могилы к могиле, осеняя по пути крестным знаменем и молитвой каждую. Женя следовала за ней, боясь задавать вопросы и мешать таинству ее добровольной службы.

Сонный лес в округе был недвижим, ни лучей вечернего солнца, ни порывов ветра, ни гомона птиц здесь, казалось, не существовало. Ничто не нарушало забвения, которому было предано кладбище долгие годы. Женя с монахиней, похоже, оказались первыми посетителями за последнее десятилетие. Дух заброшенности, неухоженности чувствовался в каждой могиле.

Вслед за Патрицией Женя пыталась прочитывать заросшие мхом, полустершиеся корявые надписи на деревянных постаментах, с трудом разбирая еще мало понятные ей буквы. Даты жизни покоящихся здесь говорили о многом. Большинство захоронений относилось к концу прошлого века, а некоторые насчитывали полторы сотни лет. Родственники умерших сами давно последовали в иной мир, и некому было навестить забытое кладбище, которое, казалось, скоро будет и само поглощено неумолимым временем.

– Здесь не хоронят уже лет пятьдесят, – сказала сестра Патриция, закончив молитвы и словно угадав мысли своей ученицы. – Это кладбище давно забыли. Но на свете не должно быть забытых кладбищ, запомни это, Джейн. Странно, да? Дорога сегодня привела нас к кладбищу. Заметь, не всякая дорога приводит к погосту, но всякая им заканчивается. И об этом помни, девочка.

Женя все еще ходила между рядами могил, осторожно ступая и вчитываясь в эпитафии.

– Смотрите, здесь все захоронения одного года, а здесь, кажется, похоронена мать с маленькими детьми, – обратилась девушка к монахине.

– Ничего удивительного. Болезни нередко уносили жизни всей крестьянской семьи, а то и жителей всей деревни. А, может, год был неурожайным, и все умерли от голода, – ответила Патриция.

Внимание Жени между тем привлекла новая могила. Она находилась в отдалении от остальных. И, что удивительно, казалась почти свежей. Аккуратный могильный холмик не успел покрыться дерном, а ровно стоящий крест почернеть.

– Сестра Патриция, смотрите, этой могиле, наверное, не больше года, значит, здесь продолжают хоронить. Эпитафия отсутствует. Вот только год – 1067 и еще что-то, не могу разобрать.

Монахиня медленно подошла к странной могиле и скорбно склонилась над крестом.

– Это вырезана роза с опавшими лепестками.

– Что это значит? – спросила девушка.

– Это значит, что здесь покоятся несостоявшиеся надежды и нерастраченная любовь, цветок, погибший на жестоком морозе... – голос Патриции дрогнул, она отвернулась, стараясь скрыть слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.